

I

Пушкинские планы произведения о стрельце,
влюбленном в боярскую дочь

«Планы повести о стрельце», как они были названы и представлены Д. П. Якубовичем в именуемом «Большим» академическом Полном собрании сочинений А. С. Пушкина (Акад. Т. 8. С. 430–431) и оттуда перепечатываются (естественно, без вариантов) уже шесть десятилетий всеми авторитетными массовыми изданиями¹, служащими, в свою очередь, базой для других, вызывают немало вопросов и сомнений, которые подсказываются имеющимися скудными комментариями к этим наброскам и отдельными наблюдениями и замечаниями в немногочисленных работах, им посвященных специально или касающихся их попутно. Разбросанные, эти фактологические справки и уточнения обнаруживают разные уязвимые точки выстроенной текстологической конструкции, не разрушая впечатления ее прочности и надежности; собранные вместе и дополненные новыми, еще не вводившимися в научный оборот наблюдениями и соображениями, они ее расшатывают и диктуют необходимость основательной ее перестройки. Давно уже пришло время тщательно проанализировать накопившийся материал и внести в тексты необходимые изменения.

Планы были записаны одновременно и в разных местах.

Числящийся в Акад. под цифрой «4» (в дальнейшем обозначаемый литерой *A*) был набросан карандашом в тетради ПД 831, видимо, при ее ретроспективном просмотре, на одной из оставшихся пробельными страниц (л. 60 об.)².

Основной массив записей, относящихся к замыслу произведения о стрельце и боярской дочери, находится в тетради ПД 837, содержащей

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 6 / Текст проверен и примеч. составлены Б. С. Мейлахом под ред. Б. В. Томашевского. С. 626–627 (далее: МАкад 1949); 2-е изд. М., 1957. Т. 6 / Текст проверен и примеч. составлены Б. В. Томашевским. С. 626–627 (далее: МАкад 1957); 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 6. С. 423–424; *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 5. С. 535–536 (перезд.: М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 459–460).

² Буквенные обозначения необходимы потому, что в разных публикациях последовательность планов менялась и они получали разные порядковые номера. Тексты планов, как они представлены в Акад., приведены далее по ходу изложения их издательской истории (см. с. 231–232).

на л. 1–44 белой автограф «Арапа Петра Великого». В Акад. они напечатаны под цифрами «1», «2», «3» с изменением их последовательности относительно расположения в рукописи.

На л. 44 об. (лицевая сторона занята не получившим развития началом седьмой главы «Арапа Петра Великого») написана вверх слева и зачеркнута оборванная на полуслове фраза «[Софья сва<ха>]» (в дальнейшем: *Б*).

Следующий лист (л. 45) был до заполнения согнут пополам, что обозначило его разделение на два столбца. Левый (внутренний; далее: *В_л*) открывается планом из четырех пунктов, написанных каждый отдельной строкой, с короткими разделительными штрихами между ними. Под нижней (четвертой) поставлены три штриха, один под другим, каждый короче верхнего. На чистом месте справа от двух первых, в интервале между ними, ближе ко второй, написано в орнаментальном обрамлении слово «Комедия». В Акад. этот план (далее: *В_л*) напечатан под цифрой «2», с присоединением к нему первую строку записи с л. 44 об.

Все оставшееся в левом (внутреннем) столбце место ниже трехштрихового знака занято написанным в основной своей части «в строку» планом (далее: *В_д*), напечатанным в Акад. под цифрой «3». Он несет следы обдумывания разных сюжетных поворотов; возникавшие по ходу неоднократные изменения вносились зачеркиванием и приписыванием слов и фраз, а получавшиеся более или менее цельные варианты всего плана фиксировались знаками различной конфигурации, общим числом три, из которых лишь один: «+» (крестик после слова «заговор») — получил в публикациях этого наброска отражение как помета, указывающая место вставки написанных внизу пунктов.

В правой (внешней) половине листа находятся два наброска (в Акад.: «1»; далее: *В_п* и *В_н*), записанных, судя по чернилам и перу, разновременно, в два приема. Разделительный штрих между ними расположен не посередине строки, как аналогичные отчерки в левом (внутреннем) столбце, отделяющие один пункт плана от другого (см. выше), а сдвинут влево, в ее самое начало; к тому же, в отличие от штрихов на левой половине, или несколько приближенных к предшествующей строке (первый и второй), или же находящихся на равном удалении от предшествующей и следующей, этот «прижат» к строке, открывающей второй набросок, а расстояние между ним и последней строкой первого увеличено относительно соблюдаемых в этом наброске межстрочных интервалов. Такое отличающееся от других на той же странице местоположение штриха было определено, по всей вероятности, тем, что с него начиналось записывание второго наброска, то есть, иначе говоря, он не обозначал окончания первого, а служил лишь разделению двух самостоятельных вариантов плана.

Для датировки перечисленных выше записей в тетради ПД 831 и ПД 837 не имеется достаточных, твердых оснований — ни фактических, ни палеографических. Ю. Г. Оксман обозначил их хронологические рамки первоначально «1830–1832 ?» гг.³, затем их расширил до «1830–1834 ?»⁴, и это указание повторялось *под текстом* во всех шеститомных Полных собраниях сочинений А. С. Пушкина, выпущенных ГИХЛ—Гослитиздатом и издательством «Academia» в 1930-е гг.⁵ Однако в *комментариях*, сопутствующих текстам в шеститомнике издательства «Academia», ученый отошел от датировки, обозначенной там же под текстом. Запись в тетради ПД 831 (прежний шифр: ЛБ № 2364⁶) он датировал «декабрем 1833 года, когда Пушкин пересматривал старую тетрадь и сделал на чистых ее листах несколько карандашных отметок»; наброски в тетради ПД 837 (ЛБ № 2378) были датированы «условно 1833–1835 годом, когда Пушкин, приступая к работе над “Историей Петра Великого”, вернулся к брошенной рукописи “Арапа Петра Великого” и, рассчитывая как-то использовать некоторые нейтральные ее части (страницы о старом боярском быте, о Ржевском, о его дочери и “стрелецком сыне”), в той же тетради набросал план нового романа»⁷. В тетради ПД 831, находившейся в активной работе с декабря 1820 по (предположительно) март 1822 г., а с тех пор не использовавшейся⁸, на самом деле имеется *чернильная* хронологическая помета, свидетельствующая о том, что Пушкин ее раскрывал 9 декабря 1833 г. (л. 59), написав там же и теми же *чернилами* (т. е. тогда же) набросок «Толпа глухая». Была ли у Пушкина какая-нибудь другая цель, когда он брал в руки эту тетрадь, почему он взял именно ее, как долго он ее листал и было ли это к ней обращение лишь разовым или многократным, — все это неизвестно, а потому нельзя утверждать сколь-либо уверенно, что именно ко времени, близкому к этой дате, относится записанный *карандашом* план задумывавшегося произведения о стрельце и боярской дочери, хотя это предположение следует признать правдоподобным.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 4. С. 537 (Прилож. к журн. «Красная нива»; далее: КН).

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. Т. 4. С. 737.

⁵ Последнее: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М.: Гослитиздат, 1940. Т. 4. С. 554–555.

⁶ ЛБ — условное обозначение Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где в то время хранились рабочие тетради Пушкина.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 4. С. 387, 782 (далее: Acad.). Повторено: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1938. Т. 7. С. 702, 950–951 (том был подготовлен издательством «Academia»).

⁸ Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 60.

Д. П. Якубович (с формулировкой «вероятнее всего» — Акад. Т. 8. С. 1063), Б. С. Мейлах (с нею же — МАкад. 1949. Т. 6. С. 781) и Б. В. Томашевский («предположительно» — МАкад. 1957. Т. 6. С. 805) датировали наброски 1833—1834 гг.⁹ Иного мнения относительно плана в тетради ПД 831 держался Н. Я. Эйдельман, который со ссылкой на составленное Т. Г. Цявловской и оставшееся неопубликованным ее описание включил этот набросок в круг исторических тем, которые у Пушкина «возникают в это время (т. е. в 1821—1822 гг. — В. Р.) регулярно»¹⁰. Правда, в своей книге, куда вошла в измененном виде эта статья, автор соответствующие абзацы изъясил¹¹, однако вряд ли из-за перемены датировки этого плана, поскольку опущены замечания о всех исторических сюжетах на близлежащих листах тетради.

Еще один план: «Сын казнен.<ого> стрелца...» (ПД 278; в Акад.: «5»; далее: Г) — написан на отдельном листке бумаги производства фабрики А. Гончарова с водяным знаком «1834» (№ 155, по классификации Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского¹²). Самым ранним на ней из числа точно датированных автографов было письмо А. Х. Бенкендорфу от 23 ноября 1834 г. (ПД 617); другое на ней же тому же адресату было написано 17 декабря 1834 г. (ПД 619). Количество бесспорно датированных автографов на этой бумаге резко увеличивается в следующем, 1835 г.; между 6 января и 19 ноября их насчитывается 18: из них 17 писем (ПД 621—627, 633—635, 637—639, 647, 740, 1534, 1540) и стихотворение «Полководец» (ПД 205). На этом основании В. С. Листов справедливо заключил: «Если Пушкин пользовался такой бумагой с конца 1834 по конец 1835 г., то, по-видимому, набросок “Сын казненного стрелца” и был написан в этот промежуток времени. Примерная датировка наброска 1835 г. выглядит даже более вероятной, чем общепринятая — 1834 г.»¹³

⁹ В докторской диссертации первого из них датировка была более расплывчатой: «Вероятнее всего они относятся к середине 30-х годов» (Якубович Д. П. «Арап Петра Великого» // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 289).

¹⁰ Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра I...» // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1974. Т. 10. С. 337; то же в кн.: Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 80.

¹¹ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 105.

¹² Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 108—109.

¹³ Листов В. С. «Сын казненного стрелца» — неосуществленный замысел Пушкина // ПИМ. Л., 1989. Т. 13. С. 103. Ю. Г. Оксман датировал этот план 1834—1835 гг. (см.: КН. Т. 4. С. 540); Д. П. Якубович и Б. В. Томашевский печатали его в единой подборке с другими планами, распространяя, видимо, на него, соответственно, нижнюю границу своей датировки — 1834 г.

Главная трудность, с которой сталкивались все публикаторы этих планов и которую ни одному из них, как представляется сегодня, не удалось окончательно преодолеть, заключается в установлении последовательности их возникновения. Отсутствие каких-либо точных фактических сведений и верных палеографических признаков для их датировки (кроме рассмотренного выше последним) оставляет в распоряжении текстолога единственно сопоставительный анализ их содержания, однако именно этим инструментом пользовались на протяжении всей их издательской истории, кажется, очень мало. Вряд ли, конечно, к нему совсем не прибегали редакторы собраний сочинений Пушкина, определяя, в какой очередности печатать наброски этих планов, но никаких своих рассуждений по этому поводу они не оставили, так что долгожданный и необходимый опыт его применения был введен в научный оборот лишь в самое недавнее время М. Г. Альтшуллером¹⁴, чьи наблюдения и выводы нуждаются, впрочем, как будет показано далее, в существенных уточнениях и корректировке.

Опубликованные впервые В. Е. Якушкиным в составе полистного описания рукописей Пушкина, хранившихся в то время в московском Румянцевском музее, планы, записанные в тетрадях № 2365 (ПД 831) и 2378 (ПД 837), не могли, разумеется, сойтись в одном месте, но тематическая связь между ними была указана перекрестными ссылками¹⁵. Зачеркнутые слова на л. 44 об. тетради № 2365 («[Софья сва<ха>]») не поддались прочтению; записи на согнутом л. 45 Якушкин воспроизвел строго в той последовательности, как они расположены на странице: сначала левый (внутренний) столбец, затем правый (внешний). К знаку «+» он сделал пронизательное примечание, которое во всей его глубине осталось, к сожалению, не оцененным в должной мере, а потому и не реализованным до сего времени: «Знаком + обозначена в рукописи вставка, — писал он, — но мы печатаем все подряд, как написано, потому что в программе заключаются противоречия, или, вернее, тут две программы»¹⁶.

В издании С. А. Венгерова планы из обеих тетрадей были объединены под одним редакторским заглавием, которое было подсказано словом «Комедия», понятым как обозначение жанра, относившееся ко всем записям. Наброски были напечатаны в той же последовательности, как и в опорных публикациях Якушкина: (А, В_а, В_н), причем раздельный знак был поставлен только между А и В_а, а воспроиз-

¹⁴ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 225—240.

¹⁵ Якушкин В. Е. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве // РС. 1884. № 4. С. 106; № 11. С. 337—338.

¹⁶ Там же. № 11. С. 338. Курсив наш.

веденные Якушкиным внутренние разделительные штрихи в B_1 опущены. Примечание было учтено лишь в его первой части, где объяснялось значение пометы «+» в B_2 , и все, что у Якушкина к ней относилось, было вставлено после слова «заговор». В результате получился сумбурный текст, в котором беспорядочно собраны наброски, отражающие разные стадии обдумывания одних и тех же сюжетных положений, а также поиски новых поворотов и коллизий:

[Программы драмы из эпохи царицы Софьи]¹⁷

Стре[лец], влюбленный в боярскую дочь, — отказ —
приходит к другу-заговорщику — вступает в заговор...

*

Софья во дворце (монастыре).

Нищие, скоморох.

Скоморох и ст[арый] раскольник.

Молодой стрелец; заговор.

Стрелец влюбляется в Ржевскую, сватается, получает отказ; он становится уныл, товарищ открывает ему заговор, он объявляет обо всем правительнице. Софья принимает его, как заговорщика; объяснение, Софья сваха, комедия у боярина. Ржевская замужем.

Бунт стрелецкий, боярин спасен им, обещает выдать за него дочь.

(Мать торопится)

(Выдает ее за боярина)

(думного дворянина)

Стрелец, сын ст[арого] раск[ольника], видит Ржевскую в окошко, переодетую горничной девушкой, — сватается через мамушку-раскольницу, — получает отказ.

Полковник стрелецкий имеет большое влияние на своих; Софья хочет его к себе переманить. — Он рассказывает ей, каким образом он узнал о заговоре.

[Софья]. О чем же ты так печален? — Об отказе.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.¹⁸

Никакого представления о движении пушкинского замысла эта по существу неточная транскрипция текстов не давала и потому не имела научного значения.

Следующим этапом издательской истории планов стала их несколько упорядоченная публикация в Полном собрании сочинений Пушкина, выпущенном в качестве приложения к журналу «Красная нива». Подготовивший их к печати на основе автографов Ю. Г. Оксман сохранил принятую Якушкиным и вслед за ним Венгеровым последовательность замысла: «<Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери>» (курсив наш), и ввел редакторскую нумерацию, согласно которой цифрой <1> был обозначен план из тетради ПД 831 (A), <2> — левый (внутренний) столбец на л. 45 тетради ПД 837 (B_1), а <3> — там же правый (внешний) (B_2). Он показал наличие в левом столбце разделительного знака после пункта «Молодой стрелец. Заговор» и между двумя набросками в правом. Убеденный в том, что все «планы и наброски» относились к задуманному сочинению беллетристического жанра, он счел несущественным и не требующим воспроизведения расположение пунктов одного из них в столбик, с разделительными межстрочными штрихами. Они были напечатаны «в подбор», а слово «Комедия» вообще опущено на том, по всей вероятности, основании, что в рукописи оно заштриховано и потому было признано зачеркнутым. Существенные изменения были произведены редактором, по сравнению с предшественниками, в плане, расположенном в нижней части левого столбца (B_2), где одни зачеркнутые слова и фразы были из текста исключены, другие вынесены в подстрочное примечание, третьи оставлены в квадратных скобках. Этими текстологическими манипуляциями сюжету была придана видимость логичного и стройного развития:

Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ. — Он становится уныл — Товарищ открывает ему заговор. Он объявляет обо всем правительнице; Софья принимает его как заговорщика, объяснение. — Софья сваха, Комедия у боярина.

Бунт стрелецкий, боярин спасен им, обещает выдать за него дочь.³ [Мать торопится и выдает ее за боярина]. Ржевская замужем.

³ Зачеркнуто: Обед у тестя, бедная родственница. Комедия у боярина.¹⁹

¹⁹ КН. Т. 4. С. 536. Текстологические примечания (сноски), входящие в состав цитат из собраний сочинений Пушкина, приведены здесь и далее под чертой внизу цитируемого текста, к которому они относятся, согласно их исконному местоположению и с сохранением нумерации.

¹⁷ Квадратные скобки в издании Венгерова равнозначны принятым ныне угловым, в которые заключаются редакторские добавления и конъектуры, а круглые — квадратным, обозначающим зачеркивания.

¹⁸ Пушкин [А. С. Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1911. Т. 5. С. 417.

Препарированный таким образом текст создает впечатление, что пушкинский замысел находился уже на той стадии, когда выстроился план связного, хорошо скроенного повествования, в котором спределились между событиями причинно-следственные отношения и временная последовательность. Влюбленный в боярскую дочь, но получивший отказ стрелец узнает о заговоре, составленном его товарищами по военной службе, и доносит о нем правительнице Софье, которая принимает его с подозрительностью, но по ходу разговора протоникается к нему доверием, а узнав о причине его унылого настроения, предлагает свое содействие. Она едет свахою к Ржевскому под предлогом, видимо, присутствовать на его домашнем спектакле; боярин, кажется, упорствует в своем отказе. Вскоре заговор выливается в бунт, во время которого стрельцы жестоко расправляются с боярами; герой спасает Ржевского, и тот из благодарности дает наконец согласие на брак. Далее, как подал текст Оксман, Пушкин колебался между двумя вариантами продолжения. Сначала предполагалось, что Ржевский выполняет свое обещание, молодые присутствуют у него на обеде, который опять сопровождается представлением комедии, и тогда же появляется новый персонаж — бедная родственница, чья роль (может быть, чисто эпизодическая) остается непроясненной (см. подстрочное примеч. 3 в публикации). По какой-то причине это развитие сюжета Пушкина не устроило, и он вводит противоборствующую силу в лице матери, которая, не желая иметь зятем человека низшего состояния, тайком от мужа спешно выдает дочь за равного. Прикинув этот вариант, Пушкин от него также отказался (см. зачеркнутое) и вернулся к прежнему, но уже без сцены «обеда у тещи», без «бедной родственницы» и без «комедии». Предусматривал ли последний пункт «Ржевская замужем» какую-нибудь цепь сцен и событий или означал концовку (развязку), невозможно сказать с определенностью, однако, поскольку записи не фиксируют никаких попыток детализировать эту ситуацию, вероятность более склоняется на сторону предположения, согласно которому Пушкин счел сюжет исчерпанным на женитьбе и описание семейной жизни героя в его творческие намерения не входило. Следующие в публикации Оксмана за этим планом записи под номером «<3>» из правой половины страницы (В) приобретают характер набросков в развитие и конкретизацию отдельных его моментов (первая встреча героя с боярышней; обстоятельство его сватовства; его положение в стрелцком войске).

Таким предстает пушкинский замысел в трактовке Оксмана, и все детали в нем кажутся, на первый взгляд, тщательно подогнанными, во всяком случае для рабочего плана, в котором правомерно ожидать каких-то лакун и не до конца продуманных наметок. Однако несмотря на все старания текстолога добиться такого эффекта, первый же вопрос, который обязан поставить исследователь и который не может не интересо-

вать внимательного, любознательного читателя: когда должно было происходить действие задуманного произведения? — обнажает внутреннюю несогласованность важных, ключевых подробностей.

Комментируя «Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери» в статье, им посвященной в «Путеводителе по Пушкину», Оксман указал, что «завязка повести определялась, очевидно, событиями 1682 г. (Заговор царевны Софьи, поддержанной в борьбе с партией Нарышкина и молодого Петра стрельцами и раскольниками, восстание 15 мая, боярский погром в Москве и пр.)»²⁰. Неопределенное «и пр.» оставляет читателю строить догадки, ограничивает ли оно маем—июнем 1682 г., приблизительно до венчания 25 июня на царство Иоанна и Петра, хронологические рамки всего произведения или только его завязку, а основное его действие распространялось бы далее на июль—сентябрь, когда дерзко и напористо заявили о себе раскольники и организовался заговор Хованских уже против Софьи. К последнему мнению склонялся Б. В. Томашевский: «...планы относят события к времени правления Софьи (1682—1689), вероятнее всего к первому году правления — 1682, когда происходили волнения раскольников, а среди стрельцов действовал князь Хованский» (МААкад. 1957. Т. 6. С. 805). Согласно предложенной М. Г. Альтшуллером реконструкции, фабула должна была вобрать в себя в качестве исторического фона события как первого, так и второго периодов стрелецких возмущений 1682 г.²¹ Действительно, в разбираемом плане имеются реалии того и другого периодов. Софья едет свахою к Ржевскому, будучи уже «правительницею», а стала она ею, как было известно Пушкину из его исторических штудий, 18 мая 1682 г. (Акад. Т. 10. С. 12; на самом деле — 26 мая); следовательно, по времени, когда к ней является влюбленный стрелец, заговор, который он ей открывает, направлен против нее, и это подтверждается тем, что в зачеркнутом варианте, заподозрив в доносителе участника замышляемого переворота, она его отправляет под арест. Однако представление Пушкина о хронологии событий, отражаемых им в этом сюжетном положении (летне-осенние волнения 1682 г., подстрекаемые Хованскими, удаление «государей», включая Софью, в Воздвиженское, подавление заговора и казнь его организатора с сыном), было недостоверным: в конспекте для «Истории Петра» он их записал под 1685 г., причем с неверными датами (Акад. Т. 10. С. 15). Кровавая расправа над боярами, от которой спасает Ржевского стрелец, происходила 15—17 мая 1682 г.; в пушкинских материалах для «Истории

²⁰ Там же. Т. 6. С. 282. Повторено с мелкими изменениями в его же комментарии в Акад. Т. 4. С. 782; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1938. Т. 7. С. 951.

²¹ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. С. 227.

Петра» названо лишь 15 мая и объяснено: «Боярин Милославский и царевна Софья произвели возмущение» (Акад. Т. 10. С. 11).

Итак, в пушкинском плане, как его прочел и представил в печати Оксман, художественное время намечается обратным реальному и, может быть, с трехлетним внутренним перерывом. В историческом повествовании, ориентированном на образец вальтер-скоттовского романа, допустимы разнообразные отступления от буквальной верности действительному ходу событий²²; нельзя исключить и вероятности неумышленных анахронизмов и фактических ошибок, которые вкрадывались даже в конспекты, составлявшиеся Пушкиным для «Истории Петра»²³.

²² Об анахронизмах и других отступлениях В. Скотта от исторической точности, а также об обсуждении в западноевропейской и русской печати этой особенности его романов см.: *Долинин А. А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 199—208.

²³ Так, он записал: «Петр избран был 10 мая 1682 г. <...>, но через три недели всё рушилось» (Акад. Т. 10. С. 11). На самом деле избрание Петра состоялось в день смерти Федора — 27 апреля. Названная Пушкиным дата не согласуется с им же указанным трехнедельным сроком, после которого «всё рушилось»: ни если принять за дату порухения «бунт стрельцкий» — 15 мая, ни вручение стрельцами царевне Софье правления 18 мая (Акад. Т. 10. С. 12), ни коронавание братьев, как записано у Пушкина, 25 мая (там же; на самом деле — 25 июня); но ровно три недели отделяет 27 апреля от 18 мая. Ошибка Пушкина в конспекте была результатом невнимательной контаминации двух источников. Рассказывая об избрании Петра и приведении в Москве к присяге патриарха, духовенства, бояр, всех чинов, выборных полков солдат, стрельцов, иностранцев («немцев») и «всего народа», И. И. Голиков указал в подстрочном примечании: «Сие происходило Маия 10 дня» (*Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1. С. 153). Трехнедельный срок был назван в статье Г. Ф. Миллера «Первое воцарение Петра Великого», открывавшейся следующими словами: «Первым воцарением называю, когда государь царевич Петр Алексеевич, по преставлении брата своего царя Феодора Алексеевича, государственными чинами, мимо царевича Иоанна, яко избранием, на царской престол возведен был. Правительницею была мать его государыня царица Наталия Кириловна. Сие правление продолжалось три недели» (Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. М., 1780. Ч. 5. С. 119). Далее в статье говорилось, что это «воцарение» (т. е. избрание) состоялось в день смерти Федора 27 апреля (Там же. С. 121), но Пушкин на это, видимо, не обратил внимания. Неточная дата коронавания также идет от Голикова, который писал: «В четвертый день страшного того бунта, то есть Маия 18, окончили стрельцы лютость свою вручением царевне Софии государственного правления, будто бы для малых лет царевых: но скоро по сем по воли царевниной же возвели на престол в соцарствование Петру и царевича Иоанна Алексеевича; а того ж месяца 25 числа царевна правительница, для прикрытия своего возмущения, по древнему обычаю, со всем великолепию повелела короновать обеих государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича» (*Голиков И. И.* Деяния Петра Великого... С. 159). Правильные даты см.: *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 189, 193.

В сюжете, который предполагал разработать Пушкин, «вольности» подобного рода были, видимо, как бы predetermined или, говоря современным языком, запрограммированы тем, что его узловым момент «Софья сваха» был полностью вымышлен и не имел под собою даже такого основания, как похожий эпизод в «Арапе Петра Великого», опиравшийся на рассказ о том, как император выступил в роли свата²⁴. Однако маловероятно, чтобы Пушкин пошел на столь радикальное нарушение исторических фактов, как изменение последовательности ключевых для изображаемой им эпохи реальных событий, если, конечно, он предполагал развивать сюжет на их фоне, а не в обстановке созданных его творческим воображением и не привязанных к действительной хронологии картин некоего обобщенного стрелецкого заговора и бунта. Прежде чем принять эту последнюю интерпретацию планов, необходимо убедиться в том, что невозможно иное их прочтение — такое, при котором сюжет вписался бы в историческую канву. Ни в 1930-е гг., ни в следующие десятилетия этот вопрос не был даже поставлен.

Набросок: «Сын казенн.<ного> стрельца...» (*Г*), опубликованный И. С. Зильберштейном несколькими годами ранее²⁵, был Оксманом напечатан как план отдельного произведения под тем же редакторским заглавием, которое он получил при первом появлении в печати («Сын казенного стрельца...»)²⁶.

Во всех Полных собраниях сочинений Пушкина, выпущенных до войны ГИХЛом — Гослитиздатом, а также издательством «Academia», все эти планы печатались в редакции Оксмана без каких-либо существенных изменений текстов и их взаиморасположения²⁷.

²⁴ Щедрость монарха в награждении заслуг // Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1796. Т. 17. С. 117.

²⁵ Повесть из времен Петра I — «Сын казенного стрельца» // Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина: (Новые материалы). М., 1926. С. 31—32 (Б-ка «Огонек». № 102).

²⁶ КН. Т. 4. С. 540.

²⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1932. Т. 4. С. 737—738; 5-е изд. М.: Гослитиздат, 1940. Т. 4. С. 554—556; Acad. Т. 4. С. 386—387; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1938. Т. 7. С. 701—703. В этих изданиях постепенно исчезло несколько обозначений раскрытия сокращенных написаний, было модернизировано написание отдельных слов, уточнены и заново введены некоторые знаки препинания; во 2-м издании Гослитиздата вкралась и повторялась до 5-го включительно опечатка в подстрочном примечании, содержащем зачеркнутый вариант: «Обед у гостя» вместо правильного «у тества» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 4. С. 734; 5-е изд. М., 1940. Т. 4. С. 554).

В Акад. все зачеркнутое в планах (кроме, почему-то, записи «[Софья сва<ха>]») было, в соответствии с общими принципами издания, представлено как варианты основного текста и в качестве таковых вынесено в подстрочные примечания; обозначены все развернутые пушкинские сокращения, более последовательно воспроизведена авторская пунктуация и употребление заглавных и строчных букв, хотя и то и другое не без редакторского вмешательства; в наброске 2 (*Б + В, I*) показана запись в столбик с разделительными штрихами между строками-пунктами. В основном же собственно тексты, включая и «нелогичный» 3 (*В, 2*), совпадают с редакцией Оксмана, при том, однако, радикальном отличии, что Д. П. Якубович их перетасовал, не оставив, к сожалению, пояснений к своему решению. Первым в его раскладе оказался внешний (правый) столбец л. 45 в тетради ПД 837 (*В, n*), и почему была сделана эта перестановка, можно догадываться с большой долей уверенности. М. Г. Альтшуллер справедливо заметил, что основанием редактору послужила, вероятно, цифра «1», которой открывается здесь верхняя запись²⁸. Вместе с тем Якубович, вероятно, считал, что, заполняя эту страницу, Пушкин держался принятого в его время повсеместно и во многих случаях им самим соблюдавшегося обычкновения писать основной текст на внешней половине (столбце) разделенной вдоль надвое страницы (правая на лицевой стороне листа, левая — на обратной), а внутреннюю оставлять для замечаний, исправлений, дополнений и др.²⁹ Под цифрами 2 и 3 Якубович напечатал содержимое внутреннего (левого) столбца той же страницы, поставив начальной строкой 2-го записи «[Софья сва<ха>]» с предшествующего листа (л. 44 об.). На четвертое (с первого у Венгерова и Оксмана) передвинулся план из тетради ПД 831 (*А*), а пятым был присоединен рассматриваемый как вариант развития того же сюжета набросок, который Оксман считал самостоятельным замыслом другого произведения (*Г*).

²⁸ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. С. 226.

²⁹ Например, так были написаны: исторические материалы к поэме «Мстислав» (ПД 832, л. 7 об.); белой автограф «Истории Пугачева» (ПД 1204—1213, 1215, 1216, 1219, 1220) и материалы к ней (ПД 842, л. 147 об.—146 об.); текст стихотворения А. Мицкевича «Oleszkiewicz» (ПД 842, л. 166 об.—161 об.); статья «О ничтожестве литературы русской» (ПД 330); дневниковые записи 1833—1835 гг. (ПД 843); «<Начало автобиографии>» (ПД 827, 828); записи-конспекты к «Истории Петра» (ПД 390—409, 411, 412); «Русский Пелам» (ПД 1026); набросок «Мы проводили вечер на даче...» (ПД 217, 1037); «Египетские ночи» (ПД 1039, 1041); набросок «В 179* году...» (ПД 1042); заметка «Путешествие В. Л. П.» (ПД 1121); статья «Вольтер» (ПД 1122); белой автограф «Капитанской дочки» (ПД 1044—1056). Об этой манере заполнять страницу и решении на ее основе вопроса, какой язык был первым в билингвальной выписке из новеллы Сервантеса «Цыганочка», см.: Рукою П. 1997. С. 85—86.

Таким образом, вся подборка приобрела в Акад. следующий вид:

«Планы повести о стрелце»

1.

1) Стрелец сын ст.<арого> раск.<ольника> видит Ржевскую в окошко, переодетую горничной девушкой¹ — сватает через мамушку-раскольницу — получает отказ —

Полковник стрелецкий имеет большое влияние на своих; Софья хочет его к себе переманить — он рассказывает ей каким образом узнал он о заговоре —

С.<офья> О чем же ты был печален? — Об отказе — Я сваха — Но будь же etc.

2.

[Софья сва<ха>]
Софья во дворец.²

Нищие, скоморох

Скоморох и ст.<арый> раскольник

Молодой стрелец. Заговор³

3.

Стрелец влюбляется в Ржевскую, сватается, получает отказ — он становится уныл — товарищ открывает ему заговор...⁴ Он объявляет обо всем правительнице, Софья принимает его как заговорщика, объяснение. — —⁵ Софья сваха, комедия у боярина.⁶ Бунт стрелецкой, боярин спасен им, обещает выдать за него дочь —⁷ Ржевская за мужем

¹ Далее зачеркнуто: — М<амушка>

² Софья в монастыре. Справа в орнаментальном рисунке (платье и ножка): Комедия. Может быть, это было заглавие наброска.

³ Скоморох и раскольник. Стрелец и молодой жених

⁴ получает отказ — Товарищ его принимает [его] в заговор

⁵ а. Софья хвалит его и посылает прямо под арест. б. Софья принимает его как заговорщика, объяснение, арест.

⁶ Комедия у боярина. Ржевская замужем. Начиная от Он объявляет написано.

⁷ а. выдает за него дочь (другую). Обед у тестя, бедная родственница. Комедия у боярина. б. обещает выдать за него дочь. Мать торопится и выдает ее за боярина. в. обещает выдать за него дочь. Мать торопится и выдает ее за думного дворянина.

4.

Стре<лец> влюбленный в боярскую дочь — отказ — приходит к другу заговорщику — вступает в заговор —

5.

Сын казенн.<ого> стрельца воспитан вдовою¹ вместе с ее сыном и дочерью;² он идет в службу вместо ее сына. При Пруте ему П.<етр> поручает свое письмо —

*Приказч<ик>*³ вдовы доносит на своего молодого барина который лишен имения своего, и отдан в солдаты. Стрел.<ецкий сын> посещает его семейство⁴ и у П.<етра> выпрашивает прощение молодому <барину>.⁵

¹ Сын стрельца воспитан у

² и дочерью *вписано*.

³ *Над словом приказч<ик> надписано и подчеркнуто: Сосед?*

⁴ посещает ее. *Далее начато: офи<цер>*

⁵ *Под текстом: 5508
1654*

(Акад. Т. 8. С. 430–431).

«Малое» академическое Полное собрание сочинений Пушкина повторило в первом издании дословно «Большое», опустив, разумеется, варианты, сняв все условные текстологические значки и непоследовательно, в отдельных фрагментах, применив редакторскую пунктуацию вместо авторской (МАкад. 1949. Т. 6. С. 627–628; То же: МАкад. 1950). Непростительной «вольностью», явившейся, как можно предположить, вынужденной уступкой бушевавшей в те годы разнузданной «антикосмополитической» кампании, была замена в тексте 1 (*B_n2*) пушкинского сокращения «etc.» («Но будь же etc.») русским соответствием «и т. д.» («Но будь же и т. д.»). Нелепости легко укореняются, эта повторялась с тех пор не только во всех переизданиях академического десятилетия, но и в обоих Гослитиздата—«Художественной литературы»³⁰.

Во втором «Малом» академическом издании подвергся изменению текст плана 3 (*B_n2*), куда в конец был присоединен извлеченный из вариантов³¹ пункт: «Мать торопится и выдает ее за думного дворянина» (МАкад. 1957. Т. 6. С. 627). При отсутствии указания на то, что это зачеркнутый, то есть отмененный, вариант, результатом стала крупная «неувязка»: сначала Ржевская оказывается замужем за стрельцом, которому ее обещал в жены отец за свое спасение, а затем ее выдают за думного дворянина! Так, во всяком случае, может и должен воспри-

³⁰ См. примеч. 1.

³¹ См. сноску 7 в к плану 3.

нять этот план обычный читатель, и невозможно понять, как подобный ляпсус мог быть допущен Б. В. Томашевским (том был сдан в набор и подписан к печати при жизни ученого) и потом оставаться все время незамеченным.

Сохранив план 5 (*Г*) в общей подборке, Томашевский не был, однако, до конца уверен относительно его к ней принадлежности по содержанию: «Возможно, — писал он, — что последний план не имеет отношения к замыслу, с которым связаны первые четыре плана» (МАкад. 1957. Т. 6. С. 805). Еще дальше в этом направлении пошел В. С. Листов. Опираясь на им же предложенную датировку плана «Сын казенного стрельца» 1835 годом, он заключил, что «этот автограф не имеет прямого отношения к предыдущим и его следовало бы печатать отдельно от остальных и под собственным заголовком»³². Это мнение оспорил М. Г. Альтшуллер, полагающий, что планы в тетрадах ПД 831 и ПД 837, «может быть, и бывшие первоначально замыслом самостоятельного произведения, становятся в связи с последним наброском как бы предысторией задуманного романа», «так же как в предысторию этого романа и в детали его сюжета входит оставленный задолго до того «Арап Петра Великого»»³³. Выстраивая планы в единый ряд и предполагая, что на каждый следующий распространяется, даже если в нем и не упоминается, все оставленное незачеркнутым в предыдущих, исследователь, как в свое время С. А. Венгеров и Ю. Г. Оксман, с чьими разработками он, судя по отсутствию на них ссылок, не знаком, первым поставил набросок из тетради ПД 831 как «очень короткий план будущего произведения»³⁴, потом левый и за ним правый столбцы в тетради ПД 837, а последним — план «Сын казенного стрельца» (*A, B + B_n, B_n, Г*)³⁵. Реконструкция гипотетической единой, от плана к плану обогащающейся новыми звеньями цепи событий, через которые предположительно развивался бы задуманный Пушкиным сюжет, была понята ученым как поле для упражнения собственной виртуозной изобретательности и смелой выдумки, соперничающей с авторским вымыслом при восполнении того, что в планах не было ни обозначено, ни конкретизировано. Научный анализ уступает нередко место полету разыгравшейся творческой фантазии американского профессора, что само по себе не может не показаться странным у воспитанника ленинградской строгой текстологической школы. Но tempora mutantur

³² Листов В. С. «Сын казенного стрельца» — неосуществленный замысел Пушкина. С. 104.

³³ Альтшуллер М. Г. План повести о стрелцком сыне и романы В. Скотта // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1994. С. 113.

³⁴ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. С. 226.

³⁵ Там же. С. 226–230.

et nos mutamur in illis, и М. Г. Альтшуллер предлагает следующее толкование плана «Сын казненного стрельца»:

«...протагонистом становится уже сын *Стрельца*. Это ключевое для замысла слово поддерживает тематическую связь пятой заметки с предшествующими четырьмя. Можно думать, что Стрелец, отвергнутый родителями возлюбленной, Ржевской, женился вскоре после событий 1682 г. Вероятно, он остался верен правительнице Софье и после ее падения и воцарения Петра в 1689 г. Тогда естественно предположить, что Стрелец был казнен в кровавой расправе, которую устроил Петр в 1698 г. во время последнего стрелецкого бунта, когда после страшных допросов и пыток были лишены жизни более 1200 человек.

Возможно, бурная биография Стрельца могла стать предысторией романа о его сыне. Тогда все изложенные в предыдущих планах события могли бы быть рассказаны во вступительной главе (главах) романа. Подобный композиционный прием часто встречается у Вальтера Скотта. <...>

С большой долей вероятности можно предположить, что «вдова» последнего **пятого** плана есть та самая дочь Ржевского, за которую сватался Стрелец. Она взяла к себе в дом и воспитала сына человека, который спас ее отца и любил ее самое»³⁶.

Столь же произвольно, не считаясь с реальным соотношением деталей разных планов, раскрывает М. Г. Альтшуллер предполагаемое содержание пункта «Софья сваха, комедия у боярина» в третьем по его счету (B_2) наброске: «Софья соглашается быть свахой и терпит неудачу. Может быть, на пиру, в доме боярина устраивали игрища скоморохи. Старый раскольник (отец протагониста) выступил против бесовской потехи (по свидетельству историков, на улицах и площадях Москвы шли непрерывные церковные прения, часто кончавшиеся драками). Произошел скандал. О браке с раскольником, сыном скандалиста, не могло быть и речи. Вскоре разразился бунт. Стрелец спасает отца возлюбленной»³⁷.

В этой интерпретации художественное время оказывается, как ранее у Ю. Г. Оксмана и Д. П. Якубовича, обратным реальному историческому, о чем уже говорилось выше³⁸. Однако если эта хронологическая «неувязка» является, так сказать, наследованной, традиционной, то введение в третий план в качестве предполагаемого действующего лица никак в нем не упомянутого и даже не подразумеваемого каким-либо намеком «старого раскольника» создает еще одну, столь же, а может быть и более, разительную. Этот персонаж появляется во втором (B_1)

плане, но «отцом протагониста» он выступает в первом (верхнем) наброске четвертого (B_4), который, согласно установленной М. Г. Альтшуллером временной последовательности³⁹, записывался *позднее* рассматриваемого. Более того, определение «сын ст.<арого> Раск.<ольника>» *первоначально в нем отсутствовало* и было приписано, может быть, в тот момент, когда в нем появилась «мамушка-раскольница». Тогда же, координированно, судя по перу и чернилам, над словом «раскольник» во втором плане было надписано «ст.<арый>». Иначе говоря, когда составлялся план 3 (B_3), этого персонажа, согласно принятой исследователем хронологии записей, еще не существовало и потому не могло намечаться ничего подобного скандалу, затеваемому фанатичным «отцом протагониста». Можно, конечно, предположить, что, когда персонаж вошел в замысел, пункт «комедия у боярина» мог наполниться новым содержанием. Можно, вероятно, привести (а точнее — придумать) и какие-то иные аргументы в поддержку того, что на самом деле Пушкин думал об эпизоде, похожем на тот, который живо представил себе М. Г. Альтшуллер; но все они будут лишь надстройками к исходному шаткому домыслу.

Завершая обзор важнейших за сто с лишним лет публикаций «<Планов повести о стрельце>» и комментариев к ним, приходится констатировать, что ни один из ключевых вопросов, с ними связанных, не нашел окончательного решения. Не выработано единого мнения относительно того, в каком жанре намеревался Пушкин осуществить свой замысел; назывались драма, повесть, роман, комедия, причем некоторые исследователи оперировали одновременно разными понятиями (повесть и роман — Ю. Г. Оксман, М. Г. Альтшуллер; повесть и комедия — Д. П. Якубович⁴⁰). Не установилось согласия о датировке отдельных набросков и, соответственно, о последовательности, в какой их следует располагать. Остается неясным, должен ли план 7 выделяться как самостоятельный замысел или рассматриваться как последнее звено в ряду A , B , B_1 , B_2 . Внимательного анализа все еще ожидает план B_2 , расщепить который на его последовательные стадии, представив тем самым динамику творческого процесса, редакторам-текстологам не удалось. Впрочем, никаких серьезных попыток решить эту задачу не предпринималось, и единственное, что было сделано в Акад., — зачерк-

³⁶ Там же. С. 230.

³⁷ Там же. С. 228.

³⁸ См. с. 228.

³⁹ «Сначала заполняется левая сторона следующими друг за другом двумя планами с множеством зачеркиваний и поправок. Потом с правой стороны уже почти без поправок Пушкин записывает еще два плана. Эти записи сделаны, вероятно, чуть позднее, другим, более тонким пером» (Там же. С. 226). Наблюдения относительно пера неточные: записи в правом столбце были сделаны двумя разными перьями, о чем далее в своем месте.

⁴⁰ См. его примечание к слову «Комедия» (сноска 2 к плану 2 — с. 231).

нутое было вынесено в подстрочные примечания, оказавшиеся малополезными, потому что не дают никакой возможности реконструировать состояние, через которое прошел план. Попытка М. Г. Альтшуллера скомпоновать на этой основе некий сводный текст имела результатом лишь беспорядочное нагромождение, своего рода лабиринт, где желающий проследить развитие авторской мысли попадает в тупики⁴¹.

Итак, текстологический анализ набросков, условно называемых в пушкиноведении «Планами повести о стрельце», не может считаться удовлетворительно законченным и должен быть продолжен.

Приступая к основательному, но вместе с тем осторожному пересмотру накопленных решений, наблюдений и предположений, следует в самом начале согласиться с Ю. Г. Оксманом и М. Г. Альтшуллером в том, что первым наброском рождавшегося замысла была карандашная запись в тетради ПД 831, л. 60 об. (А):

Стре.<лец> влюбленный в боярскую дочь — отказ —
приходит к другу заговорщику — вступает в заговор —

Здесь намечена схема фабулы, доведенная лишь до того момента, с которого, как явствует из сопоставления с планами в тетради ПД 837 (B_1 и B_2), собственно, и должны разворачиваться основные события, подготовленные неудачным сватовством. Обозначенные пункты никак не детализированы, подробности (фамилия девушки, первая встреча с нею, «мамушка-раскольница» в роли свахи, отец героя, правительница Софья, помогающая стрельцу из своих соображений добиваться руки боярышни, и др.) появляются в ПД 837, из чего можно заключить, что рассматриваемая запись предшествовала хронологически всем другим, относящимся к этому замыслу. Если бы дело обстояло иначе, то есть сначала оформились бы записи в ПД 837, то любое возвращение к уже намеченному сюжету было бы обязательно связано или с дальнейшей его конкретизацией, или с какими-то существенными изменениями. Ни того, ни другого набросок А не содержит и, следовательно, представляет раннюю стадию замысла, когда вырисовывались лишь общие контуры завязки будущего произведения.

На следующих листах находятся: отрывок к предполагавшейся трагедии «<Вадим>» (л. 61—61 об.; Акад. Т. 7. С. 245, 365) и черновой набросок к «<Заметкам по русской истории XVIII века>» («[Самовластие угрожденное Петром] Петр I не страшился народной свободы ~ образ русского правления остается неприкосновенным [до несчастного Петра III]» — л. 62; Акад. Т. 11. С. 288—289). Подобное соседство,

⁴¹ Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. С. 228.

действительно, является, как справедливо предположил Н. Я. Эйдельман⁴², серьезным признаком возможного существования ассоциативно-генетической связи между этими набросками, особенно вторым, и записью о стрельце. Однако вряд ли это обстоятельство может служить основанием для датировки начального замысла произведения о стрельце тем же временем, что и находящиеся рядом с ним записи исторического содержания. Во-первых, в те годы Пушкин в поисках исторических сюжетов, руководствуясь карамзинской «Историей государства Российского», неизменно погружался в глубь веков (Вадим Новгородский, Мстислав Удалой, Олег Вещий), а петровская эпоха в этом отношении его пристального внимания тогда еще не привлекала; во-вторых, в тот период, когда шла интенсивная работа в Первой кишиневской тетради (ПД 831), все творческие записи делались в ней чернилами, а карандаш, за единичными исключениями⁴³, использовался для рисунков. С другой стороны, с самого начала 1830-х гг. на Пушкина влияли один за другим, с разных сторон, раздражители, которые, взаимодействуя со сложившимся у него во второй половине предшествующего десятилетия устойчивым и глубоким интересом к Петру I⁴⁴, что стимулировалось, в частности, формировавшимся в это время официальным представлением Николая I продолжателем дела его великого предшественника на российском престоле⁴⁵, могли подталкивать его творческие искания к замыслу о влюбленном в боярскую дочь стрельце и к тому, чтобы заглянуть в старую рабочую тетрадь.

Около 20 июля 1831 г. Пушкин получил от царя согласие на работу в архивах (с условием поступления на государственную службу) «для написания истории Петра Первого»⁴⁶. Официальное постановление было издано много позднее — 4 декабря, а допуск к секретным

⁴² См. с. 222.

⁴³ Карандашом написаны: черновой набросок стихов 189—191 второй части «Кавказского пленника» (л. 25 об.), поправка в тексте стихотворения «Недавно бедный мусульман...» (л. 35) и поправка в послании «<Вяземскому>» (на листе, позднее вырванном из тетради, — ПД 38 об.).

⁴⁴ См.: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979. С. 35—37.

⁴⁵ О формировании этой концепции см.: Костина Н. Г. Освещение Петра I в русской периодической печати в первые годы после 14 декабря 1825 г. // Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. Горький, 1966. Т. 2. С. 653—655 (Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. ист.-филол. Вып. 78. Т. 2); Riasanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford, 1985. P. 106—122.

⁴⁶ Летопись 1999. Т. 3. С. 361—363. См. письмо Пушкина к П. А. Плетневу от 22 июля 1831 (Акад. Т. 14. С. 198).

материалам разрешен 12—15 января 1832 г.⁴⁷, однако новость сразу распространилась и живо обсуждалась в обществе, породив, между прочим, и сомнения в способности поэта справиться с грандиозной задачей⁴⁸. Несомненно, что с какими-то вопросами окружавшие Пушкина люди обращались к нему самому по этому поводу и ему приходилось объяснять свои планы и, может быть, высказывать оценки, замечания и мысли о предмете будущих занятий. Такая беседа состоялась, например, с А. И. Тургеневым 8 декабря 1831 г.⁴⁹ Первый раз Пушкин пришел в архив Иностранной коллегии 18 февраля 1832 г., и с этого дня начались его регулярные там занятия⁵⁰; 10 марта он осматривал в Эрмитаже библиотеку Вольтера с целью выявления источников, которыми пользовался французский писатель в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом»⁵¹. Все это уже в 1831 г. создавало вокруг Пушкина атмосферу погружения в интересовавшую его эпоху, которая должна была все более и более занимать его мысли и направлять их не только к собственно историческому сочинению, но, вероятно, и к попутным замыслам. Очень важно, что некоторые происходившие в эти месяцы в литературе события также могли сыграть для него роль побудителей к художественной разработке тем и сюжетов петровской эпохи.

С конца апреля и по конец сентября 1831 г. Пушкин следил за работой М. П. Погодина над трагедией «Петр I», читал и слушал в чтении автора готовые отрывки и части, а потом и всю пьесу, ободрял его и давал ему советы. В их беседах затрагивались разные вопросы, относившиеся к личности и деятельности монарха-преобразователя, а в первых числах июня Погодин послал Пушкину из Москвы в Петербург только что вышедшее переиздание книги И. К. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» (М., 1831. Кн. 1—2)⁵².

⁴⁷ Летопись 1999. Т. 3. С. 418, 435, 436, 438.

⁴⁸ Там же. С. 367, 374—375, 383, 385—388, 390—391, 396, 399, 401, 403—404, 410, 425, 429, 475, 515.

⁴⁹ Там же. С. 419.

⁵⁰ Там же. С. 451—452, 562.

⁵¹ Там же. С. 460.

⁵² Погодин М. П. Из «Дневника»; Из послесловия к трагедии «Петр I» // Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацура [и др.]. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 29—31, 42. См. письма Погодина к Пушкину от 3 июня и 10 августа, Пушкина к Погодину от конца (27—30) июня и конца июля 1831 г. (Акад. Т. 14. С. 170, 185, 203, 207). Труд И. К. Кириллова сохранился в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. Репринт. изд.: М., 1988. С. 50—51, № 186).

Сюжет погодинской трагедии объединял, в нарушение исторической достоверности, два разделенные двадцатью годами знаменательные события эпохи Петра I: заговор с целью убийства царя, составленный стрелецким полковником И. Е. Циклером, окольничим А. П. Соковниным и стольником Ф. М. Пушкиным, «прашуром» поэта, в январе 1697 г., и суд над царевичем Алексеем в 1718 г. Хотя в пьесе роли злоумышленников переданы, по хронологической необходимости, другим реальным лицам, друзьям и сторонникам царевича, историческая основа этой сюжетной линии была, несомненно, легко узнаваема для Пушкина, которому это событие, освещенное И. И. Голиковым по разным источникам⁵³, было, конечно, хорошо знакомо, представляя к тому же особый интерес участием в нем его предка, зятя Циклера. В 1830 г. вышло третье издание собранных Я. Штелином рассказов современников о Петре I, и если Пушкин тогда же или вскоре его приобрел, то, просматривая первую часть, мог оживить в памяти известный анекдот, записанный со слов И. Ю. Трубещкого⁵⁴. Именно в 1830 г., осенью, Пушкин дважды вспоминал о казненном предке: в «Опровержении на критики» (Акад. Т. 11. С. 161) и в «Моей родословной» («Упрямства дух нам всем подгадил: / В родню свою неукротим, / С Петром мой пращур не поладил / И был за то повешен им» — Акад. Т. 3. С. 262). Наконец, при обсуждениях трагедии Пушкин и Погодин не могли не поговорить о контаминации в ней разновременных событий, и в связи с этим, разумеется, должна была заходить речь об использовании в пьесе известного анекдота. Обсуждался, как явствует из послесловия, и монолог Петра о науке (д. II), который имел в то время острый полемический смысл «в виду тех нареканий и опасностей, каким подвергалась у нас наука в первых тридцатых годах»⁵⁵. Пушкин его нашел «риторическим»⁵⁶, но параллельно с этой художественной его оценкой должен был, по всей вероятности, заметить некоторое сходство главной идеи этой тирады с его собственной, открывавшей черновой набросок на л. 62 тетради ПД 831, мыслью о том, что «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения» (Акад.

⁵³ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1. С. 283—285.

⁵⁴ Отважность Петра Великого в очевидной опасности при заговоре Циклера и Суковнина с их стрелецкою ротою // Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. 3-е изд., вновь испр. М., 1830. Ч. 1. С. 27—33. Цензурное разрешение — 6 сентября 1828 г. Издание сохранилось в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 117, № 432).

⁵⁵ Погодин М. П. Петр I: Трагедия в 5 д., в стихах, 1831. М., 1873. С. 160.

⁵⁶ Там же.

Т. 11. С. 288)⁵⁷. По ходу действия трагедии двое персонажей (Александр Кикин и князь Сибирский) вспоминают о стрелецких бунтах, закончившихся жестокими расправами⁵⁸, а один из заговорщиков (Федор Эварлаков) оказывается *сыном казненного стрельца*, и как раз ему выпадает жребий убить государя, что всеми сообщниками воспринимается как предопределенный свыше акт справедливой мести⁵⁹; Пушкину это могло напомнить, что и в его незавершенном романе одним из главных персонажей должен был стать молодой человек на службе в армии, чей отец тоже был стрельцом, кончившим жизнь на плахе.

Предположительно 30 сентября Пушкин присутствовал у Жуковского на чтении Погодиным всей трагедии⁶⁰, а через несколько дней, 6 октября, А. А. Шишков выслал ему из Москвы с письмом первый том «Избранного немецкого театра» в своих переводах, пообещав «с первой почтой» доставить и второй (Акад. Т. 14. С. 281). В библиотеке Пушкина сохранился полный комплект этого издания в четырех томах⁶¹, из которых второй содержит трагедию немецкого драматурга Э. Б. С. Раупаха (Raupach; 1784–1852) «Князя Хованские» («Die Fürsten Chawansky», соч. 1810, изд. 1818, первая постановка 21 октября 1819 г.) на сюжет второго стрелецкого бунта 1682 г. Долго живший в России сначала в качестве домашнего воспитателя (1805–1814), а затем, с 1816 г., профессора немецкой литературы и всеобщей истории в Главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 г. в Университет,

изгнанный оттуда в 1821 г. за «вольномудство» и уехавший на родину в 1822 г.⁶², Раупах-драматург пребывал душою в Германии, питался идеями, темами и художественными понятиями немецкого театра, ориентируясь на духовные запросы, вкусы и пристрастия своих соотечественников. Трагедия «Князя Хованские» писалась для немецкого зрителя, и соответственно был изменен и переосмыслен эпизод русской истории, на котором основан сюжет пьесы⁶³.

⁶² О Раупахе см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 223–225; Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 250–252, 260–266, 287–298 и др.; Игнатьев П. Д. Раупах Э.-В.-С. // Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. «Притвиц — Рейс». С. 499–501. Даты написания, издания и первой постановки трагедии приведены по статье о Раупахе в фундаментальном библиографическом справочнике: Goedeke K. Grundriß zur Geschichte der Deutschen Dichtung. 2. ganz neu bearb. Aufl. / Fortgeführt von E. Goetze. Dresden, 1904. Bd. 8. S. 646–668 (§ 329).

⁶³ Молодой князь Юрий Хованский, ставший после добровольного удаления от дел его отца Ивана Хованского начальником стрельцов, предвидит, что России «грозная готовится беда, / И изо всех в беде помочь могущих / Помочь способным лишь себя нашел», усматривая в этом «определенье Господа» (Избранный немецкий театр / Пер. А. Шишков 2. М., 1831. Т. 2. С. 192, 206). Отвергая «путь окровавленный» к престолу, каким его в свое время достигли Годунов и Шуйский, он его домогается, чтобы стать для России «хранителем могущим / В сей век, грозный тяжкими бедами», и затем передать царевичу, т. е. Петру, «отроку пылкого, дивного ума» (Там же. С. 214–215). Свое предопределение он, помолвленный с царевной Марией, намеревается исполнить через брак со страстно его любящей ее сестрой, правительницей Софьей, готовой отдать ему всю власть, чтобы отдохнуть усталою от совершенных кровавых преступлений душою, забыть «ужас прежний» и «жить одной любовью» (Там же. С. 199). Однако сбывается предупреждение Игумена о том, что «кто в жизни раз один, / Подобно ей, убийству научился, / Принадлежит геенне, не себе» (Там же. С. 195). Поверив ловко запущенной окружающими ее боярами и Марией клевете на Юрия, Софья осознает себя обреченной быть убийцей («Кто обгнул невинной кровью руки, / Тот только кровью жажду утолит! <...> Потоком заструится кровь! Убийцей быв, убийцей буду вновь...» — Там же. С. 231–232) и в неудержимом гневе казнит старого Хованского. Юрий со стрельцами захватывает дворец в Воздвиженском, Москва находится в руках верных ему людей, в его власти провозгласит себя царем и казнить убийц своего отца, но в этот решающий момент его озаряет, что не его бог «орудием избрал» и что, подавившись чувством мести, он лишь «пример <...> подал каждому злодею / И показал всем ищущим свободы / В делах преступных, что легко закон / Попрять тому, кто острый меч имеет» (Там же. С. 280–283). В момент торжества своей силы он, сознавая себя преступником, отдается добровольно суду ненавидящих его бояр, которые приговаривают его к казни. Он принимает ее с достоинством, хотя Софья предлагает ему средство бежать. России, таким образом, в расплату за преступления Софьи предначертано испытать еще многие бедствия в ожидании, когда придет «иной великий», который «предызбран» ее преобразить (Там же. С. 316).

⁵⁷ У Погодина Петр произносил следующие слова:

Науку лишь на чистом русском поле,
Науку лишь осталось мне засеять.
А нежное растение наука,
И тяжело и мудрено за нею
Ходить, смотреть — нам будет с непривычки;
Чуть солнце опалит, иль чуть мороз прохватит,
Подмочит дождик, расколышет ветер,
Поблекнет и завянет, и надолго
К земле наклонится она. Зато
Как выдержит грозу и непогоду,
Как простоит воздушные измены
И корни глубоко в земле раскинет,
Так до небес уж после безопасно
Главой величественной вознесется.
И вот тогда ее благодаянья,

С высокого прекраснейшего древа,
Начнут над царством рассыпаться манной.
Пружины государственные ею,
Невидимые, видимые связи, —
Скрепятся, отвердеют, и ничем
Никто того уж царства не своротит.
Там всякий понимает свое дело,
И уважает собственное место,
И всю с него великую махину
Вперед своею грудью подвигает.
Обязанность священна там, и дорог
Покой общественный, и смерть за славу,
За честь и счастье родины мила!
О, как под сенью благодатной знания
Блаженствует такое царство в мире!

(Там же. С. 44–45)

⁵⁸ Там же. С. 27–28.

⁵⁹ Там же. С. 115.

⁶⁰ Летопись 1999. Т. 3. С. 393.

⁶¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 115, № 427. Цензурное разрешение второго тома — 22 июля 1831 г.

Русским читателям интересен был, по всей видимости, не только сам факт обращения иностранного автора к их прошлому и характерные для немецкой драматургии особенности его изображения⁶⁴; для них важно было и то, что в переведенной пьесе трактовалось по-своему событие, вызывавшее у них различные ассоциации, в том числе и не в последнюю очередь аналогию с восстанием декабристов⁶⁵. Внимание в это время именно к стрелецким бунтам могло обостряться приближением их 150-летней годовщины. К ней был, например, явно приурочен исторический роман К. П. Масальского «Стрельцы» (СПб., 1832. Ч. 1 — 4; цензурное разрешение: ч. 1—2 — 1 сентября 1831 г., ч. 3 — 16 ноября 1831 г., ч. 4 — 31 декабря 1831 г.; ч. 4 вышла во второй половине апреля 1832 г.), посвященный событиям мая—сентября 1682 г. и окончательной победе юного Петра в 1689 г. Опираясь на широкий круг печатных и рукописных источников (их список приложен в конце последней части, с указанием при каждом сочинении частей и глав романа, в которых оно получило отражение), автор показал ход бунта и в описываемые реальные события вплел драматические судьбы вымышленных персонажей. Главную романтическую линию составляет любовь стрелецкого пятисотенного Василия Бурмистрова, остающегося верным Петру и претерпевающего гонения от Софьи и Мирославского, к Наталье Смирновой, бедной девушке, дочери покойного священника, обманом закабаленной Мирославским; преследования воздвигают на их пути одно за другим препятствия к женитьбе, которые они окончательно преодолевают и венчаются лишь тогда, когда Петр выказывает наконец свою твердость и берет крепкой рукою кормило державы. Роман пользовался большим успехом, весь тираж (1500 экз.) разошелся за три месяца, и сразу же, в мае, было выпущено второе издание. Случайно или нет, но первый печатный отзыв об этой моментально завоевавшей популярность новинке появился как раз за два дня до 150-летней годовщины смерти Федора и провозглашения на царство Петра, давших толчок стремительному развитию восстания. Рецензент, скрывшийся под инициалами «Н. Ю.», отдал «полную справедливость нравственной цели романа», усмотренной им в том, что «автор, выставив

исторические и вымышленные лица, бескорыстно преданные церкви, престолу и отечеству, резко и искусно противопоставил им людей, увлекавшихся духом мятежей, суеверием и расчетами корысти и властолюбия». Отмечены были «тщательное изыскание и соображение исторических источников», сочетаемое с «исторической критикой», удачная связь исторического и романического «интересов», благодаря которой «читатель не вводится в заблуждение призраками, созданными вымыслом, а видит в верной и живой картине русских семнадцатого столетия», умелое владение «драматической формой» по «отличным образцам» Вальтера Скотта⁶⁶. Вторая и третья части второго издания сохранились в библиотеке Пушкина⁶⁷, а в написанном совместно с П. А. Вяземским шуточном стихотворении «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» (26 марта 1833 г.) перечень содержал (в части, сочиненной последним) и «Нашего Вальтера Скотта Масальского» (Акад. Т. 3. С. 486). Вряд ли есть основания сомневаться в том, что Пушкин внимательно читал «Стрельцов», интересуясь не только историческими подробностями, но также приемами беллетристического изображения далекой эпохи. Сопоставление разбираемых планов со «Стрельцами» даже привело занимавшегося этим исследователя к выводу, согласно которому «определенное сходство в системе вымышленных персонажей и элементах сюжета позволяет со значительной долей уверенности говорить о том, что пушкинский замысел художественного произведения о стрельцах в какой-то мере был инспирирован романом Масальского»⁶⁸. В той мере, пока речь идет о признании «Стрельцов» немаловажной составляющей общего литературного фона пушкинского замысла, это заключение полностью справедливо, но выход за эти рамки оказывается безосновательным, так что соображения о непосредственной генетической зависимости некоторых деталей планов от весьма отдаленно сходных (нельзя сказать параллельных) мотивов и ситуаций этого романа не получают убедительности.

Итак, с начала 1830-х гг., особенно с 1832 г., Пушкин неоднократно получал сильные импульсы, способные в его творческом сознании преобразоваться в начатки или контуры художественного замысла.

⁶⁴ Ср., например, трилогию К. Л. Иммерманна (Immermann; 1796—1840) «Алексей» («Alexis», 1832), где царевич представлен невольным участником заговора; Петр предлагает ему бежать, но он добровольно идет под суд.

⁶⁵ Об этом говорит, например, февральская 1831 г. запись в дневнике А. И. Тургенева по поводу «Стансов» Пушкина: «В нем (Николае I. — В. Р.) они видят Петра Великого? Зачем сравнивать бывших друзей сибирских со стрельцами? Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт П<етер>бургский?» (Максимов М. [Гиллельсон М. И.] По страницам дневников и писем А. И. Тургенева: (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. Т. 10. С. 364).

⁶⁶ Северная пчела. 1832. № 93, 25 апр.

⁶⁷ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 63, № 231.

⁶⁸ Рогачевский А. Б. Пушкинский замысел повести о стрельце и «Стрельцы» К. П. Масальского // Материалы XXVI Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1988. С. 60. Эта мысль повторена и в другой статье, где указано, что роман Масальского «по всей видимости, оказал влияние на пушкинские «Планы повести о стрельце»» (Рогачевский А. Б. Масальский К. П. // Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 540).

1832—1833 гг. — очень вероятная датировка плана *A*, но не исключается категорически несколько более раннее или же более позднее (1834) его возникновение. Сколько времени прошло до того, как Пушкин приступил в тетради ПД 837 к развитию этого первоначального наброска и почему оно состоялось именно в ней, ничего определенного сказать нельзя. Даже строить догадки рискованно, поскольку для них не находится опорного материала. Несомненно лишь то, что планы *B* и *V* представляют более позднюю, чем *A*, стадию формирования замысла и что, кроме фамилии Ржевский, никакой их связи с находящимися на предшествующих листах главами «Арапа Петра Великого» не прослеживается. Ничто из текста незавершенного романа, действие которого было приурочено к зрелым годам Петра и все реалии были подчинены созданию колорита именно этого времени, когда стрелецкие бунты стали уже далеким прошлым, не могло перейти в новое произведение. Единственный совпадающий, во всяком случае по названию, эпизод: в романе — «Обед у русского боярина»⁶⁹, в плане — «Обед у тестя», то есть тоже у боярина, отличался резко характеристикой главы дома, которая должна была накладывать свой отпечаток и на других действующих лиц, и на всю обстановку. Ржевский из «Арапа Петра Великого» был приверженцем старого уклада, сохранявшим ему верность в условиях его решительной ломки и замены насаждаемыми принудительно европейскими нововведениями; у боярина Ржевского из планов обед сопровождается представлением комедии, то есть хозяин принадлежал к тем немногим людям 1670—1680-х гг., чья восприимчивость к европейским веяниям начинала подтачивать дорогие людям типа Ржевского из романа устои. Кроме того, четвертая глава была опубликована еще в 1828 г., а в роли свата в ней был представлен сам Петр, и эти обстоятельства закрывали возможность как-либо приспособить ее для нового, задумывавшегося произведения.

Тема, намеченная оборванной на полуслове записью *B* («[Софья сва<ха>]») повторяется дважды в других планах, где в каждом ей предшествует несколько пунктов, которые могли предполагать как изображение в подробностях и развитии названных в них событий, коллизий и ситуаций, так и краткий рассказ о них в экспозиции. В любом случае положение, в котором Софья принимает решение выступить свахой или осуществляет это свое намерение, не было в задумываемом произведении завязкою, исходным моментом действия, повествовательного или драматического, а, соответственно, разбираемая строка не могла быть первым пунктом плана, из чего следует, что на л. 44 об. Пушкин начал писать, но почему-то оставил незаконченным

⁶⁹ Название четвертой главы, которое она получила в сборнике «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб., 1834).

заглавие либо всего плана, либо только этого пункта, уже вошедшего в план на л. 45 и подлежавшего детализации на этой странице. Ни в том, ни в другом случае не находится предпочтительного объяснения тому, что запись не получила продолжения, будучи сначала прервана, кажется, на первой букве второго слова, затем окончательно брошена на его третьей букве и зачеркнута⁷⁰. Если она была заглавием будущего произведения, то по ходу письма Пушкин мог, например, сообразить, что неудобно сгибать пополам лист, на лицевой стороне которого уже находится текст, который окажется без надобности разделенным надвое; поэтому работа и могла быть перенесена на следующий лист, где намечаемое заглавие просто не было повторено. Если же записью началась детализация соответствующего пункта, уже внесенного в планы, то ее незавершенность означала бы отказ от этого намерения и вместе с тем от дальнейшей разработки замысла. Могут быть, очевидно, найдены и другие не менее правдоподобные объяснения, которым, как и гипотетически предложенным выше, вряд ли суждено выйти за рамки ничем не подкрепленной догадки. Таким образом, соотнести хронологически с достаточной определенностью и уверенностью запись *B* с планами *V* на соседней странице (л. 45) не представляется возможным. В этих условиях допустимое, но в большой степени предположительное решение состоит в том, чтобы запись «[Софья сва<ха>]» находилась между наброском плана в тетради ПД 831 (*A*), который несомненно предшествовал ей по времени, и планами на л. 45, которым она предшествует по местоположению в тетради ПД 837.

Главную трудность для выстраивания последовательности записей, расположенных в два столбца на л. 45, создает отсутствие авторских помет или указаний, по которым было бы можно с определенностью установить, в какой половине страницы началось ее заполнение и была ли эта колонка целиком исписана, прежде чем совершился переход в

⁷⁰ Первоначально было написано «софья с». На букве «с» что-то остановило руку Пушкина, он вернулся к началу записи, исправил первую букву на заглавную («Софья»), к отдельной «с» приписал впереди «св» так, что «в» оказалась к ней прижатой вплотную, и эту исходную «с» переделал в «а», получившуюся «неуклюжей». Поднятый вертикально «хвостик» от приставленной к этой «с» «палочки», превратившей ее в «а», говорит о том, что перехода его в соединение со следующей буквой рука, по-видимому, не намеревалась в этот момент делать. Встает, естественно, и не получает ответа вопрос, зачем понадобилась эта правка, тем более что сразу же написанное было зачеркнуто волнистой линией с «петельками», которые, пройдя частично по уже имевшимся штрихам и буквам, образовали посторонние «вкрапления» между «о» и «ф» (похожее на «о» или «а»), «ф» и «ь» (похожее на «е»), а первую букву от «сва» превратили в подобие «е». Вероятно, такое выполнение записи правомерно рассматривать как признак неуверенности и каких-то сомнений Пушкина в момент ее совершения.

другую, или же работа велась в обеих попеременно, то есть написанное в одной дополнялось и уточнялось в другой. Эта неясность и явилась причиной того, что в собраниях сочинений Пушкина эти планы печатались в разном порядке: С. А. Венгеровым и Ю. Г. Оксманом — $B_n 1$, $B_n 2$, $B_n 1$, $B_n 2$; Д. П. Якубовичем, Б. В. Томашевским и во всех авторитетных советских послевоенных изданиях — $B_n 1$, $B_n 2$, $B_n 1$, $B_n 2$. Второе из этих решений опиралось, как указывалось выше⁷¹, на общепринятую в пушкинское время и соблюдавшуюся им самим⁷² практику ведения записей в два столбца. Однако и для первого находятся в пушкинских рукописях аналогии, большинство из которых составляют, правда, стихотворные тексты⁷³, но есть два, по крайней мере, примера такого расположения на странице и прозаических. Так, черновые «<Примечания к “Цыганам”>» (Акад. Т. 11. С. 22, 293–294) Пушкин начал писать в левом внутреннем столбце лицевой стороны л. 29 в тетради ПД 835 и продолжил в правом (внешнем), причем первая фраза потребовала дополнения и оно было приписано в соседнем столбце, а когда дошло до перехода в него, текст писался под этим дополнением, будучи от него отделен чертою. В левом столбце писался на первой странице согнутого надвое фабричного листа прозаический дословный («mot à mot») перевод посвящения «Ианте» («To Ianthe») байроновского «Паломничества Чайльд-Гарольда», а в правом — его литературная, но также прозаическая обработка; на двух других страницах (разворот) исходным был внешний (левый на л. 1 об. и правый на л. 2) столбец (ПД 1618)⁷⁴. В левой половине согнутого пополам вдоль фабричного полулиста начата и в правой продолжена программа автобиографических записок (ПД 417).

Если на основе аналогий невозможно установить, в каком столбце началось заполнение страницы (иначе говоря, какой из двух планов: $B_n 1$ или $B_n 2$ — был написан первым), то целесообразно исходной точкой анализа выбрать любой могущий дать ему толчок признак, независимо от того, на какой стадии работы Пушкина он появился, и от него проследивать очередность тех или иных записей в прямом, обратном или даже обоих направлениях — куда поведут незамеченные ранее особенности автографа и детали планов. Таким признаком может стать явственно видимое отличие пера, которым исполнялся фрагмент $B_n 2$,

⁷¹ См. с. 230.

⁷² См. примеч. 29.

⁷³ См.: *Рак В. Д.* Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска «Царь увидел пред собою...») // РЛ. 2002. № 1. С. 85–86; то же в кн.: *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 354.

⁷⁴ См.: Рукою П. 1997. С. 98–102

от использованного при написании трех других планов. Этим же более тонким по сравнению с $B_n 1$, $B_n 2$ и $B_n 1$ пером внесены две вставки в $B_n 2$: фразы «Он становится уныл» и «Ржевская замужем». Первая из них имеет несомненное соответствие в $B_n 2$ в виде вопроса Софьи: «О чем же ты был печален?», общими для обоих планов являются по-разному формулируемые, но имеющие одинаковый смысл пункты «Софья сваха» ($B_n 2$) и «Я сваха» ($B_n 2$, реплика Софьи). Из того, что фраза «Он становится уныл» вписана в уже имевшийся текст, следует неоспоримый вывод о более позднем возникновении $B_n 2$ по отношению если не ко всему $B_n 2$, то по крайней мере к какой-то его части, которую предстоит выделить, а следовательно, и к $B_n 1$. Более раннее появление $B_n 1$ очевидно из местоположения, и таким образом получается, что $B_n 2$ был или последней, или предпоследней записью на странице: после него могли быть внесены только фразы-вставки (что еще также предстоит уточнить).

Выделение в $B_n 2$ текста, с которым соотносил Пушкин $B_n 2$, сопряжено с толкованием поставленного в этом столбце «крестика» («+») и помеченных им добавленных внизу пунктов. Все текстологи, кроме В. Е. Якушкина, приняли его за обычный для Пушкина значок вставки текста, написанного в другом месте, и скомпоновали на этой посылке план, в котором не только оказалось инвертированным историческое время⁷⁵, но появились также несовместные детали. Например, в российских условиях исторически маловероятно, чтобы свахе, в роли которой выступает сама правительница, мог быть дан отказ или уклончивый ответ. Но именно с такой реакцией на свое предложение сталкивается Софья, если судить по тому, как были напечатаны планы Ю. Г. Оксманом, Д. П. Якубовичем, Б. В. Томашевским и др.: после сватовства случается бунт, и только затем спасенный стрелцом боярин лишь обещает выдать за него дочь. Тем более маловероятна была бы ситуация, когда боярыня, пренебрегши как сватовством, в котором участвовала сама правительница, так и обещанием, данным ее супругом, выдала бы дочь замуж по собственным воле и выбору. Вряд ли Пушкин совместил бы соответствующие три пункта в одном и том же плане, так как это нарушило бы достоверность воспроизведения былых нравов, что, в отличие от невольных и разрешенных в отдельных случаях даже намеренных анахронизмов, не допускалось сложившимися, главным образом на примере опыта Вальтера Скотта, взглядами на художественное изображение прошлых эпох. Уместно в связи с этим вспомнить отзыв Пушкина о романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», главное достоинство которого он видел в том, что автор «точно переносит нас в 1612 год» и «добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши — всё это угадано, всё это

⁷⁵ См. с. 228.

действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына» (Акад. Т. 11. С. 92).

Эффект инвертированного времени и несовместности деталей исчезает, если «крестик» интерпретировать не как знак вставки, а как помету, сигнализирующую о том, что с этого места начинается иной вариант развития сюжета, не отменяющий уже имевшийся, но ему параллельный, пробуемый как альтернативная линия. Именно это зорко подметил в свое время В. Е. Якушкин, увидевший «тут две программы»⁷⁶. Подобное толкование помеченных «крестиком» приписанных внизу пунктов позволяет расслать *B₂* на несколько внутренне стройных, непротиворечивых вариантов и установить их последовательность, а также связи с другими планами на этой странице.

Первоначальный план (*B_{2a}*) имел следующий вид⁷⁷:

Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ — Товарищ⁷⁸⁽¹⁾ принимает его в заговор — ⁷⁹⁽²⁾ Бунт стрелецкой, боярин спасен им, выдает за него дочь — (другую) Обед у тестя, бедная родственница. Комедия у Боярина⁸⁰⁽³⁾.

Само собою разумеется, что этому варианту предшествовал написанный в том же столбце выше план *B₁*, в котором присутствует очень обильная, но существенная по содержанию правка. Встает, естественно, вопрос о том, на какой стадии она производилась — до перехода к *B_{2a}*, по ходу работы над этим планом или параллельно с *B_{2b}*, а может быть, и позднее. Здесь начинается зыбкая почва предположений.

Замена в первой строке «монастыря» на «дворец» могла, например, быть вызвана тем, что Пушкин счел невозможным, чтобы скомороху разрешили находиться в пределах монастыря по причине крайне враждебного отношения церкви к людям этой профессии. Подобное соображение могло возникнуть уже при написании второй строки, где в число действующих лиц вводится этот персонаж, и, соответственно, тогда же мог быть изменен первый пункт плана. С другой стороны, присутствие скомороха в монастыре могло и не вызвать у Пушкина сомнения относительно достоверности этой детали воспроизводимого

⁷⁶ См. с. 223.

⁷⁷ Здесь и далее текстологические примечания включаются в общую последовательность сносок, но внутри каждого варианта они получают также свою нумерацию, приводимую после общего номера в скобках.

⁷⁸ (1) *Далее было начато и зачеркнуто*: его <принимает>

⁷⁹ (2) *Перепрделено на два тире из первоначального пятиточия. Далее было начато и зачеркнуто*: а. Он б. Ст<релец ?>

⁸⁰ (3) *После слова Боярина в той же строке поставлен знак окончания текста.*

им исторического колорита XVII в.⁸¹, да и приведя этот персонаж на враждебную территорию, чтобы столкнуть его в яркой сцене с раскольником, автор мог объяснить его проникновение туда разными причинами; однако при дальнейшем развитии планов и появлении пункта «Софья сваха» монастырь мог показаться неприличествующим местом замысливаемого действия, и к тому же он мог создать чисто драматургические трудности из-за необходимости обосновать, зачем в нем собрались все персонажи, включая боярина с его семейством. По этим причинам и мог быть выбран дворец. В этом случае анализируемая правка относилась бы к моменту работы над более поздним, чем *B_{2a}*, вариантом. Из этих двух вероятных решений второе кажется предпочтительнее, так как получает некоторое дополнительное обоснование в предположительном выводе, согласно которому четвертая строка подверглась правке уже после перехода к следующему за *B_{2a}* варианту плана.

В исходном состоянии этой строки задействованы два персонажа: «Стрелец и молодой жених». В других планах «стрелец» фигурирует неизменно как влюбленный в боярскую дочь и получивший отказ на сватовство; логично предположить, что здесь этим словом обозначено то же самое действующее лицо. Поскольку у поставленного с ним в пару персонажа соответствующим определением акцентирована молодость, он должен, вероятно, быть другого, более зрелого возраста, и о том, что таким он и мог быть задуман, говорит его упоминание в *B₂* как стрелецкого полковника. О содержании эпизода (вероятно, диалога), в котором они участвуют, невозможны никакие догадки; неясен и переход от него к следующему, предполагавшемуся быть «З<аговор ?>». С другой стороны, называться «молодым женихом» подходит и получившему отказ влюбленному, если существенное употреблено здесь в неоднократно встречающемся у Пушкина значении «мужчина, имеющий намерение жениться»⁸². При таком раскладе «стрелец» персонифицирует участвующего в заговоре товарища неудачливого «жениха» и приходит в действие объясненная в других планах связь этого пункта с намечавшимся в следующем «з<аговором ?>», а дальнейшее превращение героя из юноши в полковника может быть объяснено частным изменением замысла по ходу его обдумывания.

⁸¹ Из документов XVII в. известно о скоморошских игрищах в Печерском монастыре (или около него) и даже в архиерейском доме (см.: *Белкин А. А. Русские скоморохи*. М., 1975. С. 76, 78), но об осведомленности Пушкина в таких деталях быта эпохи, которую он собирался изображать, сведений не имеется.

⁸² *Словарь языка Пушкина*: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 783. В «Словаре» не учтено употребление слова «жених» в этом плане.

Это построение выглядит более стройным, чем предыдущее, но столь же гипотетичным, и следует признать, что невозможно реконструировать творческие намерения Пушкина, выраженные в этой строке, опираясь только на нее самое в ее исходном виде. Однако как раз с первым предположением лучше согласуется одна деталь плана B_2a — именно то, что за своего спасителя боярин выдает не ту дочь, к которой тот сватался, а «другую», и это может, кажется, служить дополнительным аргументом в пользу вывода о том, что «молодой жених» и раздосадованный отказом стрелец задумывались как разные персонажи, даже, вполне вероятно, как антагонисты.

Сюжетное положение, в котором появляется вторая боярышня, оформилось у Пушкина, кажется, не сразу. Сначала он написал: «выдает за него дочь—», и тире было здесь равносильно точке, то есть герой получал в жены ту самую девушку, которой он домогался; однако что-то заставило Пушкина изменить ситуацию, приписав: «(другую)». Видимо, по уточненной авторской мысли, брак стрельца с его первоначальной избранницей должно было возбранять какое-то важное и непреодолимое обстоятельство, не позволявшее боярину отблагодарить человека, сохранившего ему жизнь, полным исполнением его желания⁸³. Препятствием на данном этапе действия не могло быть неравенство состояний или различие вероисповеданий, поскольку через другую дочь стрелец все же допускается породниться с знатной семьей. (Первая мотивировка появится в одном из следующих вариантов, но там второй дочери не будет, а уже обещанную женитьбу разрушит мать вопреки воле мужа.) Не были препятствием ни очередность выдачи замуж (если предположить, что внушившая стрельцу любовь девушка была младше доставшейся ему в жены), ни противодействие семьи, в частности — матери, ни сопротивление дочери, чем бы оно ни было вызвано: тайной любовью к другому, отвращением к тому, кого ей определяют мужем, или чем-либо иным. Ни один этих мотивов не намечен в B_2a , и ни одна из этих причин, как показывает хотя бы «Арап Петра Великого», не была столь сильной, применительно к нравам XVII в., чтобы боярин

⁸³ В составленном Т. А. Китаниной указателе мотивов русской и переводной беллетристики пушкинского времени отмечены следующие причины отказа жениху (курсивом выделены те, которые могли вписаться в намеченный Пушкиным сюжет): *бедность (незнатность) жениха*; бедность (незнатность) невесты; неопределенность положения невесты (в сюжете о тайне рождения); *обещание, данное другому жениху*; *желание отца самому выбрать жениха*; собственные притязания опекуна на невесту; притязания на невесту отца жениха; вражда родителей; желание родителей невесты заместить сына (жених должен принять семейное дело, семейное имя); вина (мнимая или реальная) или дурная репутация жениха; *жених не правится родным («философ»)*; жестокий родственник не подпускает к девушке женихов; *различия вероисповеданий*.

не мог ей не уступить. Ситуация, в которой он действительно не был волен исполнить точно желание стрельца, складывалась, кажется, единственно в том случае, если избранница его спасителя была уже помолвлена и выдать ее за другого значило нарушить правила чести. Эта мотивировка тоже не обозначена в B_2a , но как раз ее носителем и мог стать персонаж, названный в B_1a «молодым женихом». Принимая эту в достаточной мере правдоподобную гипотезу, получаем, что, когда Пушкин писал: «выдает за него дочь—», он об этом персонаже, может быть, и не думал (о чем свидетельствует тире-точка), но, закончив фразу, вспомнил и, согласуя детали двух планов или же осложняя сюжет, ввел в число действующих лиц «другую» дочь. Из всех этих рассуждений следует, что если признать их верными, то в момент работы над B_2a записанный на л. 45 ранее план B_1 находился еще в состоянии варианта «а», поскольку в дальнейшем «молодой жених» вычеркивается и навсегда исчезает из замысла.

В установленной последовательности B_1a , B_2a , B_2 остается найти позицию B_1 , чье положение на странице говорит о его более раннем, чем B_2 , на ней появлении, а место относительно двух других членов может, как представляется, быть определено, с достаточной уверенностью, сопоставительным анализом их содержания. Начать анализ удобно с B_2a . Два первых предложения этого варианта повторяют A^{84} с единственным дополнением, состоящим в том, что прежде безымянная «боярская дочь» обретает здесь фамилию, подсказанную, очевидно, просмотром рукописи «Арапа Петра Великого». В следующих за этими новыми пунктах намечено дальнейшее развитие сюжета. Завязка же и события, обозначенные начальными предложениями, разработаны подробнее в B_1 , где упомянуты обстоятельства, при которых стрелец увидел боярышню Ржевскую и воспылал к ней любовью, и вводится новый персонаж — «мамушка-раскольница», проводящая неудачное сватовство. Ни одна из этих деталей никак не отражена в B_2a , что могло, вероятнее всего, произойти лишь в том случае, если этот план был написан ранее того, как в правом столбце появились строки, содержавшие новые детали завязки будущего произведения. Признав справедливым это объяснение, получаем ряд: B_1a , B_2a , B_1 , B_2 . Иначе говоря, интуитивно были правы Венгеров и Оксман (которые, однако, в дальнейших хитросплетениях не разобрались). Согнув л. 45 для удобства пополам, Пушкин начал писать на левой (внутренней) стороне страницы, где фиксировал контуры плана, как они у него вырисовывались в первом виде. В процессе обдумывания сюжета некоторые пункты конкретизировались и, обрастая подробностями, расширялись. Одни дополнения были приписаны внизу, другие переносились на

⁸⁴ См. с. 236.

правую (внешнюю) половину, где образовались два уточняющих фрагмента.

Координированы между собою не только $B_2a - B_1a$ и B_2n (где n — неизвестный пока вариант) — B_2 , но также $B_1 - B_1$, о чем говорит первоначальное отсутствие в обоих планах среди персонажей *старого* раскольника и его появление и в одном, и в другом после вставки, которые могли быть сделаны синхронно (в чем, однако, полной уверенности нет).

Действительно, ни в A , ни в B_1a , ни в B_2a главный персонаж задуманного произведения никак не ассоциирован с раскольниками, хотя, может быть и предполагалась, но не указывалась как сама собою разумеющаяся его к ним принадлежность или, по меньшей мере, с ними связь. На стадии B_1 Пушкин, видимо, сознает, что герой раскольник получит исторически обоснованную сильную дополнительную мотивировку для вхождения в заговор против Софьи, в котором именно этот слой населения принимал в 1682 г. активное участие, играя в нем ведущую роль. Соответственно влюбленный стрелец становится сыном раскольника и свахой у него выступает «мамушка-раскольница». Нам не дано никогда узнать, что было написано раньше: вставка «сын ст.<арого> раск.<ольника>» или фраза «сватает через мамушку-раскольницу»; однако координация между этой вставкой и «раскольником» из B_1a с надписанным над этим словом прилагательным «ст.<арый>» очевидна: Пушкин устанавливает связи между персонажами будущего произведения, и коль скоро стрелец происходит из раскольников, то его отцом становится еще ранее введенный в план B_1a «раскольник», а коль скоро стрелец достиг брачного возраста, то, по понятиям пушкинского времени⁸⁵, этот раскольник — уже старый человек. Впрочем, эпитет «старый» служит в планах, может быть, не столько подчеркиванию возраста, сколько идентификации персонажа среди других, и если так обстояло дело, то его появление в обоих столбцах должно было быть одновременным. Но даже если в левой половине он был добавлен ранее и нес какую-то другую функцию⁸⁶, в момент работы над B_1 все равно наступала координация двух планов и проходила точно так же, как и при его синхронном в них написании.

Реконструировав опорную последовательность планов на л. 45, можно приступить к анализу развития замысла в дополнявших или сменявших один другой вариантах.

⁸⁵ В «Выстреле» о Сильвио говорится: «Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком» (Акад. Т. 8. С. 65).

⁸⁶ Например, подчеркивал ожесточенность стычки раскольника со скоморохом: старость всегда более нетерпима.

Первым, как установлено выше, записывается план B_1a в следующем виде:

Софья в монастыре.⁸⁷

Нищие, скоморох

Скоморох и раскольник⁸⁸

Стрелец и молодой жених

З<аговор ?>

Манера записи пунктов (каждый отдельной строкою с разбивкою короткими штрихами⁸⁹) и их содержание, состоящее в указании персонажей и места действия, позволяют их интерпретировать как перечень заголовков сцен (явлений) драматического сочинения. Слово «Комедия», написанное на чистом месте справа от двух первых строк, в интервале между ними, ближе ко второй, не выходя за сгиб, было, вероятно, не заглавием, как предположил Д. П. Якубович⁹⁰ (или, по крайней мере, не только заглавием), но определением (или одновременно и определением) жанра, как оно и было понято С. А. Венгеровым и отразилось в его редакторском заглавии «Программы драмы из эпохи царевны Софьи»⁹¹. Поскольку намеченное в этом наброске не образует в совокупности цельного, заверщенного сюжета, а последнее слово оставлено на первой букве, трехштриховый знак мог обозначить конец какой-то части обдумываемого произведения — например, окончание первого акта. Однако иной вывод подсказывает орнаментальный рисунок, в который перешла конечная буква слова «Комедия» и который окружил это слово. Обтекая план справа, он выводит «туфельку» на уровень третьего, нижнего штриха, то есть явно был нарисован тогда, когда в столбце уже имелись все четыре строки и стоял трехштриховый разделительный знак. Вполне, таким образом,

⁸⁷ О времени правки в этом пункте (изменение «в монастыре» на «во дворце») см. с. 248–249.

⁸⁸ О времени правки в этом пункте (эпитет «ст.<арый>») см. с. 252.

⁸⁹ Именно для таких записей целесообразно было разделить страницу сгибом на две половины, так как расположение столбцом кажется для них самым подходящим. Это — дополнительный аргумент в пользу того, что заполнение страницы началось с B_1 . В дальнейшем, когда изменился, кажется, замысел жанра, а с ним и характер записей, разделительный сгиб продолжал диктовать их ведение по-прежнему в столбец.

⁹⁰ См. с. 231.

⁹¹ См. с. 224.

вероятно, что этому «платью» (по определению Д. П. Якубовича) была Пушкиным назначена объединительная функция: оно указывало на принадлежность охваченных им пунктов (строк) к драматическому замыслу, жанр которого был обозначен помещенным в середине рисунка словом «Комедия», написанным, возможно, и для того, чтобы обособить этот оставляемый (или прерываемый, или откладываемый) замысел от шедшего, кажется, ему на смену, на тот же сюжет, но, по видимому, в другом жанре, записываемого ниже иначе как по расположению пунктов (последовательно в строку), так и по их содержанию (не названия сцен, а цепочка событий). Штриховка на слове «Комедия» была орнаментальным элементом, отнюдь не обозначающая его зачеркивания⁹².

Намеченные драматургические сцены вводили бы зрителя в обстановку изображаемой эпохи, давая ему почувствовать ее исторический колорит, и четвертая из них подступала бы, наверное, к завязке основной интриги. Выбор местом действия монастыря указывает, по мнению Г. А. Лапкиной, на то, что события приурочивались к осени 1682 года, «когда царевна Софья и ее сторонники, потеряв возможность управлять стрельцким бунтом, укрылись возле Троицкого монастыря в селе Воздвиженском (во время бунта 1698 г., когда Софья была уже заключена в монастырь, она, очевидно, не могла быть ничьей свахой)», а с переносом места действия во дворец⁹³ оно стало приуроченным «к первой стадии бунта», то есть к весне — началу лета того же года⁹⁴. Эта исторически обоснованная датировка ставится, однако, под сомнение умолчанием в пушкинской «Истории Петра» о Софье как участнице переезда в Троицкий монастырь⁹⁵, так что замышляемое драматическое сочинение могло еще не иметь точной хронологической соотнесенности.

Остановив разработку *В₁а*, Пушкин записывает ниже другой план — *В₂а*, который состоит уже не в перечне сцен (явлений) пьесы, но представляет сюжет в последовательности разворачивающихся событий.

⁹² Зачеркивание заглавий на титульных листах выполнялось Пушкиным иным образом. См., например, титульные листы «Послания к вельможе» и «Истории села Горюхина» (воспроизведены: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18 (доп.): Рисунки. С. 238, 242.

⁹³ См. с. 248–249.

⁹⁴ Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // ПИМ. Л., 1958. Т. 2. С. 304–305. Царский двор прибыл в Воздвиженское 13 сентября, а 18-го переместился в Троицкий монастырь; кровавые расправы стрельцов происходили 15–17 мая (см.: Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. С. 144–179, 268, 287). В «Истории Петра» о расправах записано под 15 мая (Акад. Т. 10. С. 11).

⁹⁵ Пушкин записал (без указания даты): «Царица Наталья Кирилловна, по свидетельству венецианского историка, удалась с обоими царями в Троицкий монастырь» (Акад. Т. 10. С. 12).

Последние пункты («Обед у тестя, бедная родственница. Комедия у Боярина.») никак не подходят на финальные сцены пьесы, что говорит о вероятной смене драматического жанра на повествовательный (беллетристический), которая отразилась и на манере записи — в строку. При этом Пушкин не зачеркнул предыдущий план и, сохранив тем самым его действительность для будущих вариантов, одну, по крайней мере, его деталь («молодой жених») учел, кажется, в новой разработке сюжета⁹⁶. Поворотный момент — спасение боярина от расправы стрельцов, приходящийся, как об этом знал Пушкин, на 15 мая 1682 г.⁹⁷, делает ненужным посредничество Софьи, которая нигде в этом варианте не появляется⁹⁸.

Отказаться от линии «Софья сваха» не входило в творческие намерения Пушкина, и он модифицирует исключивший ее сюжет, создавая вариант *В₂б*, параллельный предыдущему. Место ее ввода отмечается крестиком, а записывается она внизу, подвергаясь по ходу обдумывания изменениям, и после некоторых творческих колебаний вариант приобретает следующий конечный вид:

Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ — Товарищ открывает ему заговор —⁺ Он объявляет обо всем Правительнице, Софья принимает его как заговорщика, объяснение,⁹⁹⁽¹⁾ — Софья сваха, комедия у Боярина.¹⁰⁰⁽²⁾

Упоминание Софьи как правительницы относит действие ко времени определенно после 18 мая 1682 г., когда, как записано в «Истории Петра», «стрельцы вручили царевне Софье правление» (Акад. Т. 10. С. 12), и Пушкин, возможно, думал не о 1682 г., но, в соответствии со своими неточными сведениями, о 1685-м¹⁰¹. Участие стрельца в заговоре осложнило бы отношение к нему Софьи, которая даже по одному лишь подозрению в этом велит его арестовать, так что Пушкин меняет (возможно, не сразу, а в процессе обдумывания этого варианта) ситуацию, зачеркивая слова «принимает его в» (заговор) и надписывая

⁹⁶ См. с. 250–251.

⁹⁷ См. примеч. 94.

⁹⁸ По этой причине замена в *В₁а* монастыря на дворец, если не была сделана на стадии *В₁а*, вряд ли производилась параллельно с рассматриваемым вариантом.

⁹⁹ (1) *Вместо:* Софья ~ объяснение, *было:* а. Софья хвалит его, прика(?)зывает б. Софья хвалит его и посылает под арест — в. Софья принимает его как заговорщика, объяснение, арест — (*Чтение Акад. см. с. 231, сноска 5 к тексту.*)

¹⁰⁰ (2) Он объявляет ~ у Боярина. *приписано ниже знака окончания варианта В₂а, и под последней строкой приписки нарисована спиральная виньетка, обозначающая конец варианта В₂б.*

¹⁰¹ См. с. 227.

над ними «открывает ему» (заговор)¹⁰². Если перенос действия из монастыря во дворец не был совершен ранее, то очень подходящим для этого моментом был именно *Вл2б*, где снова появляется Софья, которой для выполнения отведенной ей автором роли свахи требовалась светская обстановка. Как и в предыдущем варианте (*В_д2а*), последние пункты этого плана вряд ли могут подразумевать финальную сцену пьесы. Намечать ее могла бы приписанная, как представляется, позднее, сбоку от виньетки, пером и чернилами, схожими с *В_д2*, фраза «Ржевская за мужем», но она, как будет видно далее, принадлежала уже другому варианту, где могла в равной мере обозначать и концовку, и развернутую ситуацию беллетристического произведения. План *В_д2б* был оставлен, по-видимому, в состоянии, когда замысел не был продуман до конца.

Мысль Пушкина возвращается к *В_д2а* и находит для него иное продолжение после спасения боярина стрельцом. Вычеркиваются (с частичной заменой) пункты «выдает за него дочь ↗ Комедия у Боярина», а внизу, слева от виньетки, приписывается новый — на увеличенном расстоянии от последней строки *В_д2б*, чтобы, вероятно, показать отсутствие между ними сюжетной связи. Образуется вариант *В_д2в*:

Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ — Товарищ открывает ему заговор — — Бунт стрельцой, боярин спасен им, обещает выдать за него дочь — Мать торопится и выдает ее за [Боярина] думного дворянина —

В XVII в. боярыня должна была иметь очень серьезные причины, чтобы послушаться воли мужа в таком важном деле, как брак дочери. Все рассмотренные варианты позволяют домыслить лишь один мотив, прямо в них не формулируемый, но могущий подразумеваться, а именно — неравенство социального положения. Однако замена боярина думным дворянином ослабляет этот конфликт настолько¹⁰³, что делает очень вероятным решение автора заместить его какими-то другими обстоятельствами, заставившими мать предпринять свои решительные действия. Такой причиной, служившей, как уже говорилось, и усилительной мотивировкой участия стрельца в заговоре, могла быть выбрана его

принадлежность к раскольникам — острое для того периода различие вероисповедания, намеченное в *В_д1*, что ведет к осторожному, гипотетическому заключению о возникновении этой записи как раз на данном этапе обдумывания замысла. Она уточняет и тем самым как бы замещает первое предложение *В_д2в*, то есть вместо «Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ —» Пушкин подставил, не зачеркивая этой фразы: «1) Стрелец сын ст.<арого> Раск.<ольника>¹⁰⁴⁽¹⁾ видит Ржевскую в окошко, переодетую горничной девушкой —¹⁰⁵⁽²⁾ сватается через Мамушку-раскольницу — получает отказ —» Одновременно, как можно предполагать¹⁰⁶, в план *В_д1* было введено прилагательное «ст.<арый>» и, поскольку «молодой жених» перестал как персонаж быть нужен, четвертый пункт изменяется («Молодой стрелец, заговор»), так что в результате план *В_д1а* преобразуется в *В_д1б*. Если все происходило именно так и Пушкин действительно в этот момент вернулся к самому первому на л. 45 наброску, значит, он все время продолжал держать мысль о драматическом произведении, колеблясь, видимо, между ним и повестью¹⁰⁷.

По каким-то соображениям, о которых можно строить разные догадки (одним из существенных было, вероятно, как и в *В_д2а*, то, что события развертывались без участия Софьи), этот поворот сюжета не устроил Пушкина, и он зачеркивает всю нижнюю приписку, а затем, сменив перо, после, возможно, какого-то перерыва, обращается к *В_д2в* и кардинально его перерабатывает, создавая *В_д2*, в который включает и *В_д2в*, и *В_д1*, но не повторением их новой записью, а мысленно, указывая на их принадлежность к новому варианту интертекстуальными сигналами и пометой «etc.».

Полковник стрельцкий имеет большое влияние на своих; Софья хочет его к себе переманить — Он рассказывает ей¹⁰⁸⁽¹⁾ каким образом узнал он о заговоре — — —
С.<офья> О чем же ты был печален? — ¹⁰⁹⁽²⁾ Об отказе —
— Я сваха — Но будь же etc.

Герой становится полковником¹¹⁰, и этот чин должен, вероятно, сыграть в конце концов роль одного из аргументов, убеждающих боя-

¹⁰² (1) Предполагая, что эта замена была произведена в работе над *В_д2б*, следует оговорить, что полной уверенности в этом нет. Неучастие стрельца в заговоре при осведомленности о нем как бы облегчало и спасение им боярина, так что эта деталь могла появиться уже в *В_д2а*. С другой стороны, избавление боярина от расправы одним из тех, кто должен был бы в ней участвовать, придавало ситуации больший драматизм, в чем автор мог увидеть для себя плодотворную перспективу.

¹⁰³ Думные дворяне считались двумя разрядами ниже бояр и в большинстве своем были людьми незнатного происхождения. См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 11. Полумом 21. С. 230.

¹⁰⁴ (1) сын ст.<арого> Раск. <ольника> *вписано*.

¹⁰⁵ (2) *Далее начато и зачеркнуто*: М<амушка>

¹⁰⁶ См. с. 252.

¹⁰⁷ Поэтому неправомерным в издании Венгерова было распространение введенного редакторского заглавия на все планы; он допустим только по отношению к первым четырем строкам левого (внутреннего) столбца на л. 45.

¹⁰⁸ (1) ей *вписано*?

¹⁰⁹ (2) *Далее начата и не дописана буква нрзб*.

¹¹⁰ Если во всех планах он сохранил возрастное единство, «молодой стрелец» в *В_д1б* был другим персонажем.

рина согласиться выдать за стрельца свою дочь. Получает мотивировку не имевшая ее в предшествующих вариантах аудиенция стрельца у Софьи: правительница нуждается в том, чтобы во враждебном ей лагере был ее человек, пользующийся там авторитетом; возможно, царевна сама приглашает его к объяснению, для чего предусматривается повод — грусть, овладевшая полковником, когда его сватовство не было принято. Пункт: «Он рассказывает ей, каким образом узнал он о заговоре» — показывает место, с которого должно следовать изложение событий, начинавшее планы *B_n2a—B_n2в* («Стрелец влюбляется в Ржевскую ~ Открывает ему заговор»), причем, по всей вероятности, предполагается, что в этом рассказе будет учтен и *B_n1*. В левом столбце приписывается со знаком вставки фраза: «Он становится уныл», — соотносящаяся с вопросом Софьи в *B_n2*: «О чем же ты был печален?» — и тем самым обозначающая связь двух планов между собою. Обещанием выступить свахой и получить согласие боярина Софья привлекает окончательно полковника на свою сторону и выполняет данное обещание. Помета «etc.» отсылает к нижней приписке со знаком «+» в плане *B_n2б* («Он объявляет ~ комедия у Боярина»). Несколько пунктов этой части плана («Он объявляет ~ объяснение») уже потеряли свою силу вследствие корректировки в *B_n2* описываемого ими сюжетного положения, сохраняют ее лишь два: «Софья сваха, комедия у Боярина», к ним приписывается заключительный: «— Ржевская за мужем». Замысел приобретает внутреннюю стройность и получает счастливую концовку. Никакого продолжения он не предполагает и никакой связи с планом *Г* не имеет, так что прав был Ю. Г. Оксман, выделивший последний как отдельный, самостоятельный замысел «<Сын казненного стрельца...>»¹¹¹, и те исследователи, кто допускал правильность этого решения (Б. В. Томашевский) или полностью с ним соглашался (В. С. Листов)¹¹².

Невозможно сказать с определенностью, в каком жанре видел Пушкин в конечном итоге свое задумываемое произведение. В последнем варианте намечалось, что обо всех событиях, предшествовавших беседе Софьи с полковником и вызвавших его уныние, он ей расскажет сам во время аудиенции. Такая композиция применима и в беллетристическом, и в драматическом сочинении, с тою, однако, разницею, что в первом случае рассказ может быть любой продолжительности и даже составлять главную часть произведения, после которой наступает быстрая развязка; а во втором — он может быть лишь экспозицией, вводящей в гущу разворачивающихся далее событий. То, что было заложено в плане *B_n2*, подходит для беллетристического замысла, но вряд ли может успешно реализоваться в драматическом, поскольку

¹¹¹ См. с. 229.

¹¹² См. с. 233.

конечному «etc.» определено в нем мало действия и событий. Однако эти рассуждения, ведущие прямо к выводу о том, что будущее произведение мыслилось Пушкиным нарративным, нейтрализуются одним простым и мощным аргументом: только Пушкин знал, но не зафиксировал на бумаге, чем бы он наполнил это «etc.» и в каких бы эпизодах разработал скупо записанные пункты о сватовстве Софьи и комедии у боярина, так что возможным было бы и драматическое исполнение замысла, которое тем более вероятно, что, как показал проведенный выше анализ, связь всех дальнейших планов с начальным, явно драматическим, сохранялась до последней стадии работы и он на всех ее этапах оставался и остался невычеркнутым.

Любой черновик, любой план только лишь замышляемого или уже находящегося в работе произведения сосредоточивает в себе некоторую множественность авторских интенций, из которых одни, часто сильно трансформированные, будут реализованы, другие, претерпевая изменения, переродятся в новые интенции, третьи либо навечно законсервируются в состоянии нераспустившихся бутонов, либо перейдут в другие замыслы (произведения) и там дадут свои цветы и плоды. Черновик (план) всегда текуч, в процессе его создания не случается ни единого момента, когда все его детали были бы одновременно неподвижны и вся система была бы статична; даже брошенный, он застывает навсегда в динамике, подобно персонажам волшебной сказки, заколдованным злою феей. Любая реконструкция авторской творческой мысли, бродившей в этих извивах, всегда гипотетична и несет обязательно на себе отпечаток личности исследователя, который выбирает для себя определенные принципы и основания анализа и проводит его, руководствуясь сложившимися у него представлениями о закономерностях и приемах процесса сочинения у изучаемого писателя¹¹³. Гипотетичность, приходя во взаимодействие с авторской множественностью, о которой шла речь, неизбежно порождает множественность исследовательских выводов и решений, через которую шаг за шагом наука приближается к наиболее вероятным и обоснованным. Небесполезной, будем надеяться, окажется и предпринятая в данной статье попытка проследить движение замысла произведения о стрельце, влюбленном в боярскую дочь.

¹¹³ Французские, как они себя называют, «генетические критики» даже «все более и более осмысляют себя как полноправные участники творческого процесса» (см.: *Дмитриева Е. Е.* Генетическая критика во Франции: Теория? Издательская практика? Явление постмодернизма? // Генетическая критика во Франции: Антология / Ред. кол.: Т. В. Балашова и др. М., 1999. С. 20), и это, конечно, таит в себе большие опасности, для избежания которых исследователь должен крепко обуздать свое воображение.